

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

Б.Калягин В.Скосырев

БЕНГАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

Б.Калягин В.Скосырев

**БЕНГАЛЬСКИЙ
ДНЕВНИК**

(рождение республики)

**Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. В. Малаховский (председатель), *А. Б. Давидсон*,
Н. Б. Зубков, *Г. Г. Котовский*, *Н. А. Симония*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. П. Байдаков

Калягин Б., Скосырев В.

К 17 **Бенгальский дневник (рождение республики),**
М., Главная редакция восточной литературы изда-
тельства «Наука», 1973.

96 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

В книге советских журналистов Б. Калягина и В. Скосырева рассказывается о событиях, связанных с национально-освободительной борьбой народа Восточной Бенгалии и рождением государства Бангладеш, а также о первых шагах молодой республики.

91(И5)

К $\frac{1114-2082}{042(02)-73}$ 63-82-12-72

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

В 1971 году на карте мира появилось новое государство — Народная Республика Бангладеш. Ее путь к независимости был неизменно трудным. Прежде чем над столицей молодой республики взвились флаги свободы, миллионам бенгальцев пришлось покинуть родные края и укрыться в соседней Индии. Многие тысячи стали жертвами репрессий. Попытка подавить национально-освободительное движение в Восточном Пакистане вылилась в военный конфликт на Индостанском полуострове, конфликт, который завершился крахом реакционного режима в Пакистане.

Авторам данной книги — корреспонденту советского телевидения и радио Б. Калягину и корреспонденту «Известий» В. Скосыреву — довелось стать очевидцами этих событий. Журналистские тропы привели их сперва в лагеря беженцев, потом на те участки индийско-пакистанской границы, где происходили военные действия, и, наконец, на освобожденную территорию Бангладеш. Записи, сделанные в их корреспондентских блокнотах, и легли в основу «Бенгальского дневника».

Авторы не ставили перед собой задачи дать систематическое описание событий, связанных с недавним кризисом на Индостане, и проанализировать основные проблемы, стоящие перед Бангладеш. Их работу следует рассматривать как один из документальных репортажей о тех горячих днях 1971 и 1972 года, когда рождалась и делала первые шаги республика. Думается, такой отчет может представить интерес для широкого читателя.

ПРОЛОГ ТРАГЕДИИ

Солнце уже начало клониться к закату, когда на дороге к аэропорту Дакки показался черный «мерседес» с президентским штандартом в сопровождении нескольких военных машин. На мгновение задержавшись у ворот, автомобиль въехал на взлетное поле и остановился рядом с бело-зеленым «боингом» пакистанской международной авиалинии.

Самолет был готов к старту: баки заправлены, экипаж ждал сигнала к взлету. Путь лежал в Карачи.

Генерал Яхья Хан, тогдашний президент Пакистана, не однажды посещал столицу восточной провинции, и каждый раз его провожали представители местной гражданской администрации. Но в тот день, 25 марта 1971 года, на проводах присутствовали только военные. Вооруженные патрули заняли места на террасах и галереях длинного, растянувшегося на добрых двести метров, здания аэропорта. Входы в помещение забаррикадированы мешками с песком, из-за которых на город смотрят дула пулеметов.

Атмосфера накалена до предела. Ощущением тревоги охвачены и люди, заполнившие зал для пассажиров. Это в основном выходцы из Западного Пакистана — пенджабцы, пуштуны, — которых бизнес связал с Даккой и другими городами Восточной Бенгалии. Напуганные развернувшимся здесь движением несотрудничества с пакистанскими властями, они осаждали чиновников аэропорта, настойчиво добиваясь билетов на уходящие самолеты. Приезд Яхья Хана на аэродром вдруг как бы пресек шум и невообразимую суматоху, царившие в зале: и ожидающие, и следившие за порядком офицеры прильнули к окнам, наблюдая за церемонией проводов.

А в центре Дакки шли демонстранты. Толпы людей,

огибая узкое одиннадцатизэтажное здание отеля «Интерконтинентал», двигались в направлении улицы № 32 района Дханманди, где помещалась резиденция Шейха Муджибура Рахмана — председателя партии Народная лига.

Массовые манифестации не прекращались с первых чисел марта, с тех дней, когда генерал Яхья Хан объявил по радио Исламабада о решении отложить на неопределенный срок передачу власти лидерам политических партий, победивших на первых выборах в национальную и провинциальные ассамблеи Пакистана в декабре 1970 года. Это заявление свидетельствовало о нарушении прежних деклараций военной хунты, оно бросало вызов миллионам бенгальцев, отдавших голоса кандидатам Народной лиги. В Дакке стихийно начался хартал — всеобщая забастовка протеста. Жизнь в столице провинции замерла: прекратили работу государственные учреждения и фабрики, закрылись магазины, остановился транспорт. На следующий день стачка перекинулась на другие города. Директивы военного правительства Исламабада на территории Восточной Бенгалии игнорировались.

Движение несотрудничества с центральными властями продолжалось и после того, как в середине марта в Дакку для переговоров с Муджибуром Рахманом прибыл президент Яхья Хан. Бенгальцы не верили, что хунта генералов всерьез намерена выполнить обещание о передаче власти. На митинге ораторы прямо говорили, что Исламабад использует визит президента, чтобы оттянуть время и подготовить военную акцию против бенгальских патриотов.

Эти предположения подтвердились. Яхья Хан не считал нужным возобновить беседу с Муджибуром Рахманом. Первую половину дня 25 марта он провел в военном городке, совещаясь с высшими офицерами пакистанского гарнизона, а затем выехал на аэродром.

Церемония прощания заняла всего несколько минут. Бело-зеленый «боинг» круто набрал высоту. Через четыре часа после приземления лайнера из Карачи в штаб командования пакистанских войск в Дакке ушла шифрованная телеграмма. Штаб в свою очередь передал во все части приказ о подготовке к операции.

Лишь только столица Восточной Бенгалии погрузилась в темноту, солдаты стали выкатывать орудия на бое-

вые позиции, выводить танки из укрытий. Первые залпы прозвучали около 23 часов 30 минут. Под покровом ночи военная хунта начала репрессии.

Мы еще вернемся к трагическим событиям тех дней, но прежде остановимся на причинах кризиса, столь разительно изменившего политическую карту Южной Азии. Истоки конфликта восходят к 1947 году, когда британский империализм осуществил раздел колониальной Индии по религиозному признаку. К Пакистану отошли территории, находящиеся на противоположных сторонах Индостанского субконтинента.

По природным условиям Западный Пакистан ничем не напоминает восточную часть страны. Это засушливый край, где преобладают пустынные и горные ландшафты. Плотность населения здесь не очень велика — 61 миллион человек на территории, превышающей площадь Англии и Франции, вместе взятых. Напротив, Восточная Бенгалия с ее 75 миллионами считается одним из самых густонаселенных районов земного шара. На равнине, покрытой рисовыми полями и джутовыми плантациями, сливаются две великие азиатские реки — Ганг и Брахмапутра. Наводнения тут — постоянное явление; самый распространенный вид транспорта — лодка.

Но западную и восточную провинции разделяли не только 1600 километров индийской земли, не только несходство географических условий, но и различия в языке, культуре, традициях.

Если на востоке подавляющее большинство населения — бенгальцы (98 процентов), то на западе — пенджабцы, пуштуны, синдхи, белуджи и некоторые малые народности.

В обеих провинциях основная масса жителей исповедует ислам, однако в восточной проживает много индусов: судя по переписи 1961 года, — 18,4 процента.

И внешне между западнопакистанцами и более смуглыми бенгальцами мало общего. Разумеется, эти и все прочие различия сами по себе вовсе не являются причиной для политических разногласий. И если отношения между двумя частями страны пришли в кризисное состояние, повинны в том правящие круги Исламабада, которые проводили курс на политическое и экономическое подчинение Восточной Бенгалии интересам западнопакистанских монополий и феодалов.

Раздел Британской Индии принес колоссальные по-

тери обоим молодым государствам, но особенно тяжело отразился на экономике восточной провинции Пакистана. Она давала более трех четвертей мирового производства джута, а почти все предприятия, перерабатывающие это ценное сырье, находились в районе Калькутты, в Индии. В Восточной Бенгалии не было никакой промышленности (одна-две джутовые и несколько чайных фабрик). Не обладала она ни крупными запасами полезных ископаемых, ни значительным естественным потенциалом для развития энергетики. Это поставило восточную провинцию в неравное положение по сравнению с Западным Пакистаном, где после 1947 года начала быстро усиливаться мусульманская торгово-промышленная буржуазия, переведшая капиталы из Индии. «Именно тогда, когда Лондон подверг хирургической операции свою бывшую колонию, были посеяны горькие семена конфликта, завершившегося в конце концов распадом единого Пакистана», — замечает английский публицист Дэвид Лошак, долгое время работавший в Азии в качестве корреспондента британских газет.

Из материалов пакистанской печати и подсчетов экономистов известно, что при режиме военной диктатуры две трети всей промышленности и четыре пятых всего банковского дела в стране принадлежали 22 западнопакистанским монополистическим семействам (Адамджи, Сайголы, Валика, Харуны, Хабибы и др.). Обогащению магнатов большого бизнеса, сконцентрировавших в своих руках экономическую власть, способствовала эксплуатация природных и людских ресурсов Восточной Бенгалии.

Западнопакистанские монополии превратили ее в рынок сбыта своих товаров — текстиля довольно низкого качества и других фабричных изделий. Восточную провинцию ущемляли при распределении государственных ассигнований. На нее приходилось 55 процентов населения Пакистана, и она благодаря экспорту джута и чая приносила государству две трети всех поступлений в иностранной валюте, однако здесь в 50-х годах расходовалось лишь от 20 до 26 процентов всех средств, выделенных центральным правительством на экономическое развитие, а в 60-х годах — от 32 до 36 процентов. Сюда направлялось менее трети импорта и менее четверти ассигнований, полученных в виде иностранной помощи. В результате неуклонно возрастал разрыв в уров-

не доходов на душу населения между двумя частями страны. В 1959/60 году он составлял 32 процента, а через десять лет — уже 61.

Огромных размеров на востоке достигла безработица, особенно среди молодежи, окончившей колледжи. Резкое недовольство бенгальцев вызывала дискриминация при приеме на службу в государственный аппарат и армию. Наконец, источником непрекращавшихся трений между центральными властями и бенгальским населением стала проблема государственного языка. Им был объявлен урду, которым в восточной провинции владело не более 2 процентов жителей. Такое решение уже в первые месяцы существования Пакистана вызвало массовые демонстрации протеста. Лишь в 1954 году, когда правительство убедилось в том, что ни тюрьмы, ни пули не способны помешать бенгальцам бороться за языковое равноправие, бенгали был признан вторым официальным языком. Однако и после 1954 года в связи с тем, что многие руководящие посты в промышленности, торговле и на транспорте занимали западнопакистанцы и переселенцы из Индии, говорившие на урду, языковой вопрос оставался чрезвычайно острым.

Факты дискриминации бенгальцев были столь вопиющими, что о них вынуждены были заговорить даже в Исламабаде. «С моей точки зрения, недовольство их (бенгальцев. — Авт.) нынешним положением дел вполне объяснимо», — заявил летом 1969 года президент Яхья Хан. Тем не менее реформы, необходимость которых, казалось, ни у кого не вызывала сомнения, не проводились: сунувшие у власти представители крупной торгово-промышленной буржуазии, помещиков и военной бюрократии препятствовали их осуществлению. Движение бенгальцев за национальное равноправие продолжало разрастаться. Одновременно в обеих частях страны широкий размах приняли выступления народных масс за отмену режима военной диктатуры, демократизацию общественной жизни и выход из проимпериалистических агрессивных блоков СЕАТО и СЕНТО.

В конце 60-х годов национальным лидером бенгальцев становится Шейх Муджибур Рахман. Он родился 22 марта 1920 года в Восточной Бенгалии в семье мелкого землевладельца, окончил исламский колледж в Калькутте и учился в университете в Дакке. Еще в студенческие годы Муджибур Рахман был одним из орга

низаторов демонстраций, проходивших под лозунгом признания бенгали официальным языком. В 1949 году его избрали секретарем вновь созданной партии Народная лига, выступившей за автономию Восточной Бенгалии. Он в то время находился в тюрьме, куда попал за оппозиционную пакистанскому правительству деятельность. В дальнейшем его не раз подвергали аресту — он провел в заключении в общей сложности около одиннадцати лет. Но это не сломило его. Он написал свой знаменитый памфлет «Наше право на жизнь», в котором впервые была сформулирована программа борьбы за региональную автономию.

Эта программа, впоследствии легшая в основу предвыборной платформы Народной лиги, включала следующие требования:

1. Создание федерального государства с верховной властью парламента, избранного прямым всеобщим голосованием.
2. Сохранение в компетенции федерального правительства только вопросов обороны и внешней политики.
3. Введение в двух частях страны разных (но конвертируемых) денежных знаков либо при одинаковых денежных знаках принятие жестких ограничительных мер с целью предотвратить утечку капиталов из Восточного Пакистана в Западный.
4. Передача права установления и сбора налогов членам федерации.
5. Предоставление членам федерации права заключать торговые соглашения с иностранными государствами и контролировать свои запасы твердой валюты.
6. Предоставление Восточному Пакистану права иметь собственную милицию или полувоенные формирования.

В декабре 1970 года на первых в истории страны всеобщих выборах в национальную и провинциальную ассамблеи Народная лига завоевала абсолютное большинство депутатских мест и по логике вещей должна была возглавить гражданское правительство. Однако генерал Яхья Хан под разными предлогами оттягивал созыв вновь избранных законодательных органов. С начала следующего года самолеты пакистанских авиалиний стали перебрасывать в восточную провинцию крупные партии войск. Для маскировки солдат переодевали в гражданские костюмы. К 25 марта подготовка опера-

ции была закончена, и армия обрушила удар на мирное бенгальское население.

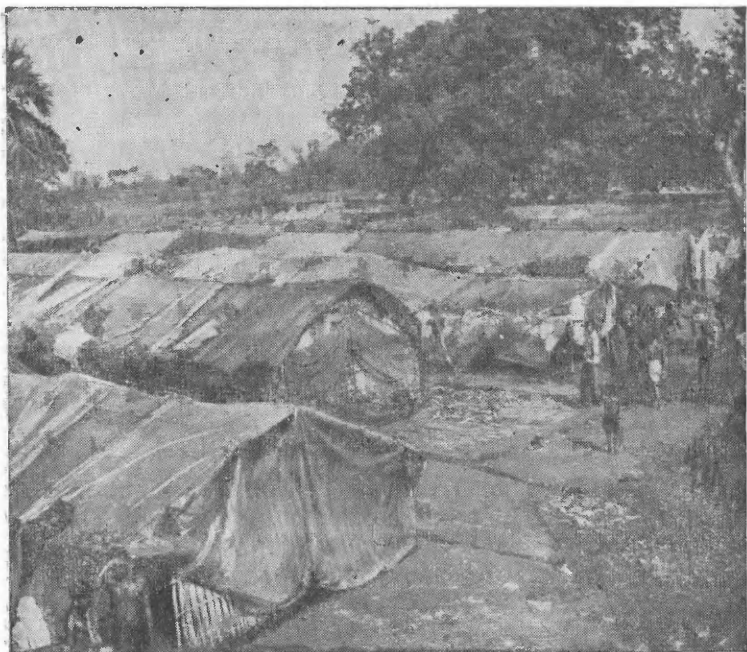
Действия военной хунты вызвали тревогу всех миролюбивых народов. 2 апреля Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный обратился к президенту Пакистана с призывом принять неотложные меры к прекращению кровопролития и репрессий против населения и перейти к методам мирного урегулирования. На этих гуманных предложениях, отвечающих основным принципам ленинской внешней политики, Советское государство неизменно настаивало в течение всего времени, пока длился кризис на Индостане. Но военная хунта не пожелала прислушаться к голосу разума и справедливости.

26 марта пакистанские власти выслали из Восточной Бенгалии всех иностранных корреспондентов, и потому в первые недели после начала вооруженного конфликта за пределы страны просачивались лишь отрывочные сведения о происходивших там событиях. Подлинные масштабы трагедии стали вырисовываться лишь тогда, когда сотни тысяч бенгальцев, покинув родную землю, бросив кров и имущество, устремились на территорию соседней Индии.

ДОРОГАМИ БЕДСТВИЙ

Калькутта, 7 октября 1971 года

Бонгаон — небольшой городок километрах в восьмидесяти к северо-востоку от Калькутты. Дорогу окаймляют высокие пальмы. По обеим сторонам от нее раскинулись рисовые поля, плантации джута. Привычная картина. Мы не раз уже видели это во время поездок по Восточной Индии. Но где-то на полпути открывается зрелище, которое сразу заставляет забыть о живописных деталях сельского пейзажа. Машина движется сквозь бесконечные ряды тростниковых хижин, палаток и навесов, выросших прямо на обочине шоссе. Около хижин — исхудалые, оборванные люди. Очень много детей. Они копошатся в пыли почти у колес проносящихся автомобилей.

Лагерь беженцев в Бонгаоне
(Западная Бенгалия. Индия)

— Это беженцы из Пакистана. Их поселения тянутся почти до самой границы, — поясняет шофер и резко тормозит, пропуская тяжелый грузовик, везущий мешки с рисом. На кузове машины надпись: «В фонд помощи беженцам».

С того момента, как пакистанская армия начала вооруженные репрессии против мирного населения восточной провинции, границу Индии пересекли более девяти миллионов человек. Они осели на территории четырех штатов, примыкающих к Восточному Пакистану, но главная масса их сосредоточилась в Западной Бенгалии — по официальным данным, почти 7 миллионов беженцев.

Где разместить этих людей? Чем их накормить? Как предотвратить распространение эпидемий? Вот те вопросы, которые требовали немедленного решения.

— Ни на что другое не хватает ни сил, ни средств, — рассказывал уполномоченный по работе с беженцами в Бонгаоне А. Сур. — Большинство мы устроили в лагерях, но они переполнены, а после недавнего циклона оказались частично затопленными. Выход один — переправлять вновь прибывших дальше, в глубь страны. Их вы и видели на пути из Калькутты...

Слова Сура тонут в хоре голосов, доносящихся со двора. Там у палатки, помеченной красным крестом, толпа «новичков» ждет своей очереди на прививку от холеры. Одновременно им выдается свидетельство на получение бесплатного пайка. А. Сур называет цифру, которую нам уже приводили в Калькутте: расходы индийского правительства на содержание беженцев составляют 25 миллионов рупий в день.

От городского штаба, координирующего помощь беженцам, всего минут пять ходьбы до ближайшего лагеря. Комендант, отставной офицер авиации А. Шанкар, указывая на длинные бараки, сообщает, что лагерь рассчитан на 10 тысяч человек, а живут в нем 18 тысяч.

Впрочем, слово «барак» в данном случае можно употребить только условно. По существу, это просто тенты из бамбука и рисовой соломы, покрытые сверху непромокаемым синтетическим материалом. Под тентом длиной 30 метров и шириной 6—7 метров ютятся 55 семей, или около 350 человек.

На каждого взрослого положено в день 400 граммов риса, 50 граммов овощей, немного растительного масла и соли. Но этот рацион удастся обеспечить далеко не всегда. Трудно наладить бесперебойное снабжение: транспортных средств не хватает, многие дороги размыты. В самом лагере муссоны натворили немало бед. Наводнения и скученность не позволяют соблюдать даже самые элементарные правила санитарии и гигиены. Комендант говорит, что эпидемия холеры потушена, а число других желудочных заболеваний растет. Помолчав, он добавляет:

— Холодный сезон не за горами, значит, нужно уже сейчас подумать об одежде, одеялах. Иначе в таких временках не проживешь...

Здесь собраны вместе представители разных каст, профессий и социальных групп: зажиточные фермеры и безземельные батраки, торговцы и рабочие, учителя и студенты. Общая беда уравнила всех.

Солдат освободительных сил
«мукти бахини»

Мы беседуем с некоторыми беженцами. Раджендра Натх живет в лагере уже около месяца. Ему под 60, а выглядит глубоким стариком.

— В июле, — рассказывает он, — к нам в деревню в округе Фаридпур явились солдаты. Начались допросы, облавы на сторонников Народной лиги. Моя семья тоже была на подозрении, хотя никто из нас в этой партии не состоял. Пришлось прятаться у родных. Когда вернулись к себе, увидели: дом сожжен, имущество разграблено.

Такая же участь постигла и семью Халима Мия, мелкого торговца из селения Каликапур. Халим считает, что ему и его односельчанам досталось за то, что на прошлогодних выборах все они проголосовали за партию Муджибура Рахмана.

— Я, конечно, хотел бы вернуться домой, — заключает он. — Но сейчас ведь никто не знает, что будет завтра. Пока не восстановится спокойствие, останемся здесь.

Банерджи, студент из округа Джессур, зарегистрированный в лагере с 4 октября, поведал нам, что в его деревне отряд партизан — «мукти бахини» совершил нападение на военный патруль. Во время схватки двое солдат были убиты. Партизаны скрылись, но военные власти решили проучить жителей. На следующий день половину домов солдаты спалили, двенадцать человек расстреляли.

Мы побывали в городской больнице. В палатах тесно, многие больные лежат на циновках между койками.

— Сейчас большинство наших пациентов — беженцы. Мест, как и в лагерях, не хватает, — словно оправдываясь, объясняет директор. — Тех, чье состояние не внушает особого беспокойства, приходится укладывать прямо на пол...

Когда мы вышли из больницы, подул резкий ветер, предвестник приближающегося ливня. Мы спешили выбраться из Бонгаона поскорее, но по запруженным толпой улицам машина могла двигаться лишь на предельно малой скорости. Наконец последние дома остались позади. По обочинам шоссе вновь появились палатки и хижины, стоявшие почти вплотную друг к другу. По спидометру мы определили, что «самодеятельный» лагерь, где расположились те, кого не смогли разместить индийские власти, растянулся на три десятка километров.

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Амритсар — Дели, 5 декабря

Этот день, 3 декабря, пятница, не предвещал никаких неожиданностей. В парламенте Индии шли обычные дебаты. Руководители правительства находились вне столицы: Индира Ганди — в Калькутте, министр обороны

Джагдживан Рам — в Патне, министр финансов Чаван — в Бомбее. И даже когда вечером, без трех минут шесть, раздались звуки сирены, возвещавшей воздушную тревогу, и был отдан приказ о затемнении, это не вызвало особого удивления: такого рода учения проводились в Дели уже не раз. Однако через час Всеиндийское радио в специальном выпуске передало сообщение о налетах пакистанской авиации на объекты в городах, расположенных близ границы, — Амритсаре, Патанкоте и Сринагаре.

Сотрудник правительственной службы информации уведомил нас по телефону, что в 23.00 состоится пресс-конференция для журналистов. Мы с трудом пробирались по совершенно темному городу. Малейшее нарушение правил светомаскировки — и тут же раздавался предупреждающий свисток добровольца отряда гражданской обороны.

Просторный зал для пресс-конференций, казалось, стал меньше: корреспонденты заполнили его до отказа. Несколько минут томительного ожидания. Наконец секретарь министерства информации довел до сведения присутствующих, что президент Индии В. Гири объявил в стране чрезвычайное положение. Правительство предлагает нескольким индийским и иностранным журналистам отправиться в пограничные с Западным Пакистаном районы и побывать на объектах, подвергшихся нападению пакистанской авиации.

Спать в ту ночь почти не пришлось. В первом часу утра по Всеиндийскому радио выступила премьер-министр Индира Ганди, срочно вернувшаяся в Дели. Она говорила спокойно. Обрисовала обстановку, сложившуюся на границах, сказала, что агрессии должен быть дан отпор, и подчеркнула, что все политические партии страны выразили поддержку правительству.

В пять утра наш автобус покинул столицу, все еще погруженную в темноту. Спать никому не хотелось. Все были возбуждены, обменивались мнениями, ловили голоса транзисторов.

Признаки приближения к полосе военных действий стали заметны километров за двести до границы. Увеличилось число машин с солдатами и техникой, направлявшихся на запад, навстречу шли легковые автомобили и автобусы, груженные домашним скарбом. Кое-кто спешил перебраться в безопасные места. У заправочных

станций вытянулись длинные очереди автомашин, мотоциклов, мотороллеров — выдача бензина лимитирована. На лотках, выставленных прямо у дороги, множество керосиновых ламп. Обилие их бросается в глаза. Спрос на них резко возрос: затемнение введено почти во всей Северной Индии.

Первый пункт нашего путешествия — Амритсар, город с полумиллионным населением, крупный промышленный центр и транспортный узел штата Пенджаб. До границы не более 30 километров. Амритсар подвергся воздушному нападению вечером 3 декабря. Западные радиостанции поспешили передать, будто в городе большие разрушения. Эти сообщения оказались сильно преувеличенными. Несмотря на тревожную обстановку, ритм жизни здесь не изменился — без перебоев работали фабрики, были открыты базары, в кинотеатрах демонстрировались фильмы.

Подробности о начале военных действий на Амритсарском направлении мы узнали на аэродроме, который обслуживает одновременно и гражданскую и военную авиацию. Рассказывал руководитель службы полетов гражданской авиации Д. Гилл.

— Уже спускались сумерки, когда над взлетным полем на высоте полтора—двести метров появились два неизвестных самолета. Раздались взрывы. Через некоторое время налет повторился. В действие вступили наши зенитки. Всего в ту ночь нас бомбили не менее четырех раз.

— Есть ли потери? — спросили мы у майора ВВС Тенгри, присутствовавшего при беседе.

— Наши машины и люди надежно укрыты, жертв нет. При атаке была повреждена взлетная полоса, однако за несколько часов мы заделали воронки.

Действительно, на гладкой темно-серой поверхности в пяти местах виднеются свежие битумные заплатки.

— Глубина воронок, — продолжал Тенгри, — достигала от полутора до двух с половиной метров. Сейчас аэродром снова действует.

Как бы в подтверждение его слов мимо нас с ревом пронесся приземлившийся реактивный истребитель и, выпустив два парашюта, резко притормозил.

Вдоль шоссе, ведущего из Амритсара в Патанкот, тянутся заросли слоновой травы высотой в два человеческих роста. На токах женщины молотят зерно. Наш ар-

мейский джип то и дело объезжает телеги, запряженные парой волов или приземистых черных буйволов. Звук канонады не слышно: бои развернулись севернее Патанкота. И лишь гул самолетов, непрерывно барражирующих в воздухе, напоминает, что неподалеку идут военные действия.

В городке Дасуя мы неожиданно стали участниками митинга. К нам, советским журналистам, подходили незнакомые люди и крепко жали нам руки. Оказалось, здесь только что узнали о выступлении представителя СССР в Совете Безопасности ООН и заявлении ТАСС, в котором наша страна решительно осудила нападение на Индию и призвала к прекращению кровопролития. Выражая благодарность Советскому Союзу за поддержку, юрист Б. Капур и учитель местной школы Автар Сингх говорили, что Индия никогда не желала войны, что конфликт между двумя соседними государствами должен быть урегулирован.

В Патанкоте, важном стратегическом пункте на пути к Кашмиру, журналистов принял командующий Западным фронтом индийской армии генерал-лейтенант Е. П. Кандет. Он высказал мнение, что цель пакистанского командования — оккупировать территорию Кашмира.

На аэродроме Патанкота командир зенитной батареи майор Мальхотра, стоя на бруствере из мешков с песком, защищающем покрытое маскировочной сеткой зенитное орудие, показывал направление воздушных атак пакистанских самолетов «мираж» и «Б-57». Всего было четыре налета, последний — за пять часов до нашего приезда. По словам Мальхотры, машины шли на большой скорости, очень низко, чтобы не засекали радары, и беспорядочно вели огонь ракетами. Во время одного из налетов батарее удалось сбить «мираж». Летчик катапультировался, его обнаружили местные жители и передали в штаб армии.

Когда мы прощались с майором, воздух задрожал от грохота реактивных турбин. Над нашими головами пронеслось звено истребителей, стерегущих небо Индии.

Дели, 7 декабря

Конфликт на границе наложил отпечаток на облик индийской столицы. Около зданий колледжей и государственных учреждений студенты и служащие роют укрытия на случай воздушных налетов. Ассоциация врачей Дели обратилась к горожанам с призывом сдавать кровь для раненых, и теперь по утрам у больниц можно видеть очереди: многие пожелали стать донорами.

Выступая в парламенте, Индира Ганди предупредила народ, что его ждут нелегкие испытания. Первыми ощутили тяготы военного времени семьи трудящихся, которые и раньше жили весьма скудно. Рабочие, занятые на строительстве частных домов на южной окраине Дели, сказали нам, что поднялись цены на муку, рис, керосин, сахар. В магазинах ощущается нехватка некоторых продуктов. Банвари Лал, высокий широкоплечий каменщик лет сорока, с удовольствием затянулся сигаретой из дешевого местного табака, передал ее соседу и пояснил:

— Даже курево подорожало. Если бы цены повысило правительство ради того, чтобы лучше одеть, накормить наших джаванов (солдат), никто бы не возражал. Но мы хорошо знаем, что власти здесь ни при чем. Вздорожание произошло из-за нечестных торговцев, которые припрятывают продукты.

Мунши Рам, товарищ нашего собеседника по стройке, добавил, что рабочие требуют усилить борьбу со спекуляцией.

Правительство принимает энергичные меры, стремясь наладить бесперебойное снабжение. В столице и других городах открыты магазины, в которых продовольствие отпускается по карточкам по твердым ценам. Немало зависит от сбора зимнего урожая. Государственный министр сельского хозяйства объявил, что виды на новый урожай благоприятные, а запасы, уже созданные государством, достаточны, чтобы обеспечить страну продуктами питания.

В эти дни с полной нагрузкой продолжают работать сотрудники правительственного департамента, ведающего помощью восточнопакистанским беженцам. В каби-

нете руководителя департамента Г. Кахлона с утра до позднего вечера не смолкают телефонные звонки.

— Как и прежде, — говорит он, — нам приходится решать десятки неотложных вопросов. Первая наша забота — дети, ослабленные недоеданием. Мы стараемся отправлять в лагеря специальные виды продуктов. Зимой в горах Ассама, да и на равнинах Западной Бенгалии, где сосредоточена большая часть беженцев, довольно холодно, поэтому мы срочно посылаем туда одеяла, одежду. К сожалению, необычно сильные муссонные ливни повредили многие участки железных дорог и шоссе, это затрудняет своевременную переброску грузов в районы бедствия.

По предварительным подсчетам, в нынешнем финансовом году мы должны будем израсходовать семьсот миллионов долларов на нужды беженцев. Думаю, нет необходимости повторять, каким тяжелым бременем это ложится на индийскую экономику, — заключил Кахлон.

Сама жизнь требует незамедлительного прекращения военных действий и мирного решения возникших проблем.

КУДА ЕХАТЬ?

Калькутта, 12 декабря

После возвращения из Амритсара для нас наступили дни тревожного ожидания. Мы внимательно слушали индийское радио, каждый час сообщавшее о положении на фронтах. Ежевечерние «брифинги» (короткие пресс-конференции) правительственной службы информации позволяли быть в курсе дела и регулярно передавать корреспонденции в Москву.

Но могло ли удовлетворить это наши редакции? Ведь официальную информацию, основанную на материалах индийского агентства ПТИ, они получали от наших коллег из делийского отделения ТАСС, которые во время конфликта круглые сутки не отходили от телетайпа. Мы все отчетливее ощущали потребность вновь побывать на фронте, в самом центре событий.

Однако возникал вопрос: куда ехать — опять на запад или на восток? И не получится ли так, что забрав-

шись в «глубинку», мы упустим главное? Вопрос этот решился примерно через неделю после начала боевых действий. Тогда уже стало ясно, что на западной границе, несмотря на тяжелые бои с применением танков на участках, примыкающих к долине Кашмира, не предвидится драматических перемен. Индийское правительство, как об этом неоднократно заявляли Индира Ганди и министр обороны Джагдживан Рам, не имело территориальных притязаний и рассматривало военные акции в этом районе как оборонительные. Пакистанская же армия, по всей вероятности, не обладала достаточным перевесом сил для наступления.

В то же время на востоке индийские соединения и партизанские части «мукти бахини» успешно продвигались вперед. Территория, контролируемая властями Республики Бангладеш, с каждым днем расширялась.

Мы сделали свой выбор и ранним утром вылетели в Калькутту (сообщение на основных авиалиниях страны не прекращалось, хотя число рейсов было значительно сокращено). Помнится, город поразил нас почти полным отсутствием признаков ожидания воздушной тревоги. Объяснялось это тем, что в восточном секторе Индия имела заметное превосходство в авиации и Калькутта могла не опасаться налетов.

В местном отделении информационной службы нам посоветовали обратиться к полковнику Рикхи, офицеру штаба восточного командования армии, ведавшему вопросами связи с печатью. В его офисе, расположенном в самом центре города, уже дежурила толпа журналистов. Индийцев было сравнительно немного, преобладали корреспонденты западноевропейских и американских газет. И каждый добивался у полковника личного разрешения на поездку в район боев. Настроение у нас упало...

Вскоре, однако, выяснилось, что положение отнюдь не безнадежно. Командование индийской армии устраивало для группы газетчиков поездку через границу, и нам предложили к ней присоединиться. Предварительно офицер дал подписать декларацию военного корреспондента, содержащую обязательство не предъявлять претензий индийскому правительству, если мы попадем под огонь.

Забегая вперед, скажем, что эта декларация была простой формальностью. Офицер, сопровождавший на-

шу группу, включил в маршрут только те районы, где сопротивление пакистанских войск было уже подавлено. Лишь однажды, да и то случайно, нам довелось стать свидетелями перестрелки: на улице промышленного города Кхулны неожиданно завязалась схватка между бойцами освободительных сил и сторонниками пакистанского военного режима, еще сохранившими оружие.

УТРО ДЖЕССУРА

Джессур — Калькутта, 14 декабря

Человек пятнадцать — женщины, молодые парни, ребята разных возрастов — двигались гуськом по обочине, не обращая внимания на проносившиеся с ревом военные грузовики. Впереди, опираясь на посох, шагал старик лет восьмидесяти — глава семейства. Видно, дорога давалась ему с трудом — он то и дело останавливался, чтобы перевести дух, и подолгу смотрел на восток.

Это была не первая группа путников, которую мы встретили на шоссе, ведущем от Калькутты к границе с Восточной Бенгалией. Тысячи беженцев покинули временные лагеря на индийской территории и возвращаются в освобожденные районы своей страны. Процесс этот начался стихийно — ни индийские власти, ни только что созданная администрация Республики Бангладеш не поощряют переселения: освобожденные районы еще не готовы к тому, чтобы принять почти 10 миллионов человек. Но и удержать людей, истосковавшихся по дому, по земле, невозможно.

Что ждет их на родине? Этот вопрос, который легко читается в глазах каждого беженца, волновал и нас, нескольких журналистов, направлявшихся в крупный административный центр Восточной Бенгалии — Джессур.

Дорога очень красива: живописные рощи манго, бананов, тучные заливные луга. Поначалу даже как-то не верится, что в этом благодатном краю могла разыгратися трагедия, унесшая сотни тысяч жизней. Но вот замечаешь взорванный мост через реку и поросшие осокой рисовые поля: крестьяне, спасавшиеся от террора военных властей, оставили участки незасеянными.

Беженцы возвращаются в родные края

Джессур встретил нас неправдоподобной тишиной. В палисадниках перед уютными одноэтажными бунгало цвели алые бугенвиллеи. Боясь окружения, пакистанские части отступили в спешке, и город не пострадал от боев. Казалось, грозные события минувших месяцев обошли его стороной. Но иллюзия быстро рассеялась. Сотрудник местной почты привел нас к пустырю Санкарпур, и нам открылось страшное зрелище: неглубокие каменные колодцы были заполнены черепами и костями людей. Рядом, в кустах, — чуть присыпанное землей другое массовое захоронение.

Оставшиеся в живых очевидцы расправ не могли точно назвать число погибших. Они рассказывали, что в течение двух месяцев пустырь служил местом массовой казни. Каждую ночь наемники — разакары — доставляли сюда бенгальцев со связанными за спиной руками и глазами, закрытыми платком.

В здании, где работает аппарат комиссара (админи-

стратора) Джессура, мы встретили людей, чудом избежавших гибели.

Санвар Али, служащий гражданской администрации города Кхулна, в марте, когда по всей провинции начался бойкот военных властей, тоже не вышел на работу. Это явилось поводом для ареста.

— Меня схватили дома в семь утра, — вспоминал Санвар Али, — и увели в военный лагерь Джессура. Майор разведки Омар Хушид вел допрос. Впрочем, это вряд ли можно назвать допросом: он лишь записал мое имя, после чего солдаты сразу же стали меня избивать. Потом бросили в камеру. Там на каменном полу лежал без сознания узник. Его лицо, тело были покрыты ссадинами и кровоподтеками. Тогда мне не удалось узнать, кто он. Через несколько часов стражники перевели меня в соседнюю камеру. На следующий день моего соседа дважды уводили на допрос, а вечером я впервые услышал его слабый голос, прерывавшийся стонами. Я прижался ухом к стене и разобрал слова молитвы, которую читает каждый правоверный мусульманин, чувствуя приближение смерти. Потом надзиратель сказал мне, что это был Машиур Рахман, известный деятель партии Народная лига, избранный на выборах 1970 года депутатом национальной ассамблеи Пакистана. С тех пор никто о нем ничего не слышал. Я уверен, что он погиб в застенках, — заключил Санвар Али.

Военным властям не удалось обезглавить освободительное движение. Большинство его лидеров ушли в подполье. Сейчас депутаты центральной и провинциальной ассамблей, избранные в 1970 году от округа Джессур, образовали зональный комитет, который направляет здесь деятельность новой гражданской администрации.

Возглавляет ее Валиул Ислам. Он и раньше работал в Джессуре — в его ведении находился арсенал. Когда армия обрушила репрессии на мирное население, Валиул Ислам открыл ворота арсенала и сам ушел в партизаны. Сегодня на этого тридцатилетнего человека легла огромная ответственность: он должен наладить жизнь на территории, где проживает почти 10 миллионов человек.

— Отступая, пакистанские войска разрушили коммуникации, уничтожили транспортные средства, запасы горючего. У нас не хватает бензина, продовольствия. Но власть республики укрепляется, — говорит Валиул Ис-

Индийский солдат ремонтирует дорогу
возле Джессура (Бангладеш)

лам. — Телефон, почта и телеграф уже работают. Проводится вакцинация населения, чтобы предупредить вспышки холеры.

Существенную помощь оказывает нам индийская армия. Индийское командование прислало топливо для городской электростанции, снабжает нас стройматериалами. Конечно, трудно начинать все заново. Важно не просто ликвидировать разрушения, а добиться установления демократических порядков. Наша опора — рабочие, крестьяне, студенчество, они же образуют ядро отрядов освобождения.

Беседу неожиданно прервали. На прием к главному администратору округа пришли студенты. Президент студенческой лиги Бангладеш Сиддики говорят:

— Мы благодарны вашей стране за поддержку. Советский Союз помог сорвать американо-китайский сговор против нашего народа. Действия США никого не удивляют, но вот политика китайского руководства нас поразила. Оно сотрудничает с империалистами против национально-освободительных сил. Я так и заявил в своем обращении к молодежи, переданном по радио 7 декабря.

В середине дня мы прощаемся с новыми знакомыми. Народу на улицах заметно прибавилось. Повсюду — на колясках велорикш, на оградах зданий, крышах домов и даже верхушках пальм в городском саду — развеваются флаги Бангладеш — на зеленом полотнище красный круг, а в нем золотом очерчены границы страны¹.

Километрах в трех от Джессура джип внезапно тормозит: разрушена дорога. Вдоль поврежденного полотна вытянулась цепочка индийских солдат с кирками и лопатами. Рядом с ними работают одетые в светлые рубашки крестьяне. Перетаскивают землю, кирпичи, утрамбовывают грунт.

— Местные жители добровольно нам помогают, — объяснил стоявший поблизости офицер. — Мы им ничего не платим и, конечно, не заставляем работать. Но каждый день приходят сотни людей. Это их земля, и они хотят восстановить ее.

Обратно мы возвращаемся уже ночью. Шоссе опустело. Лишь изредка свет фар выхватывает из темноты фигуры бойцов «мукти бахини», несущих дежурство. Начинает светать. Первые лучи солнца посеребрили кроны пальм. Над Восточной Бенгалией занимается заря нового дня.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВОБОДНОЙ ДАККИ

Дакка, 17 декабря

Вечером 16 декабря стало известно, что командующий пакистанской армией в Восточной Бенгалии генерал-лейтенант Ниязи подписал приказ о капитуляции. Сидя в номере калькутской гостиницы с пышным названием «Великий восточный отель», мы ломаем голову над тем, как попасть в Дакку. Десятки планов прихо-

¹ После освобождения всей страны было принято решение изменить национальный флаг. Теперь это зеленое полотнище с красным кругом посередине.

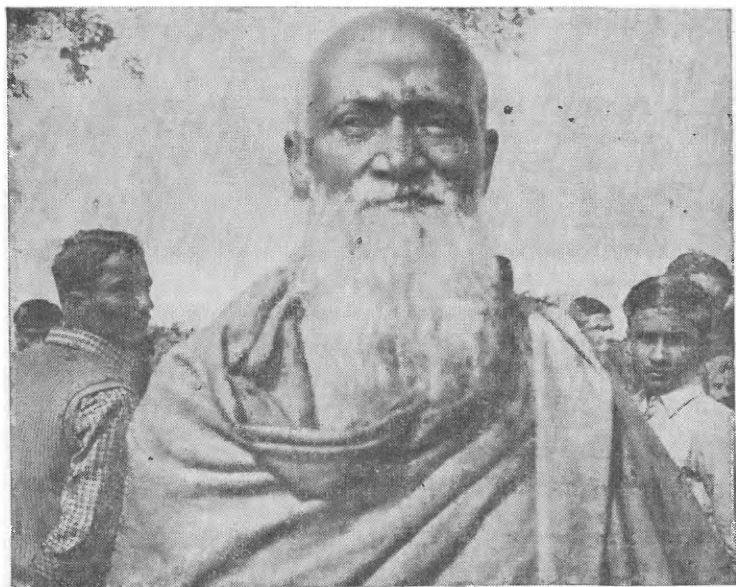
дится отвергать из-за их практической непригодности. Задача действительно не из легких. Индийское командование не возражает против немедленного прибытия зарубежных журналистов в столицу бывшего Восточного Пакистана. Все дело в том, что до нее не доберешься. Взлетная полоса даккского аэродрома разрушена. Мосты через широкие реки, окружающие Дакку с трех сторон, взорваны. Железная дорога выведена из строя.

Не придя ни к какому решению, мы ложимся спать, уповая на то, что утро вечера мудренее. Старинная русская поговорка не подвела. В 9.30 утра раздался телефонный звонок, и подполковник Сикли из пресс-центра индийской армии сообщил, что через 45 минут с калкуттского аэродрома Дам Дам в Дакку отправляется военный вертолет, который может захватить и нас. Сборы заняли не более десяти минут — ровно столько, сколько требуется, чтобы перезарядить фотоаппарат, поставить свежую кассету в магнитофон и бросить в портфель записную книжку и запасные пленки.

Небольшой, уютный вертолет со стеклянными стенками и потолком как бы в нерешительности покачался несколько минут перед взлетом, а затем, плавно оторвавшись от бетонной дорожки, взял курс на северо-восток. Перед посадкой машина описала круг над Даккой. Внизу пронесли плоские крыши невысоких каменных домов, ровные линии утопающих в зелени улиц.

Представление о настроениях жителей столицы мы получили сразу же, как только вертолет опустился на изрытую воронками полосу аэродрома. К машине бросилась восторженная, ликующая толпа, скандировавшая: «Да здравствует Бенгалия!», «Да здравствует Индия!» Летчиков обнимали, пожимали им руки. Потом к вертолету подкатил военный грузовичок, на ветровом стекле которого был укреплен микрофон. В кузове стояли молодые парни — кто в куртках защитного цвета, кто в белых рубахах.

«Индийцы — наши друзья, мы рады их приветствовать на освобожденной бенгальской земле. Но не нужно мешать работе аэродрома, давайте митинговать в других местах», — разнеслось по летному полю. Призыв подействовал, люди стали расходиться. Подполковник Сикли объяснил, что ребята в грузовике — бойцы «мукти бахини». Пока в городе не начала действовать новая администрация, они следят за порядком.

Старый бенгалец

Окруженные народом, пробираемся к выходу. Такси, конечно, нет, но достать машину — не проблема. Сразу несколько человек предлагают показать освобожденную Дакку. Вместе с сопровождающим нас Сикли усаживаемся в небольшой «фиат» преподавателя университета Манзура и выезжаем в город. В нашем распоряжении всего три часа — до отправки вертолета обратно в Калькутту, — а интересно все. Вдобавок и наш гид Манзур тоже хочет рассказать сразу обо всем и не замолкает ни на секунду. Он так увлекается, что то и дело поворачивает не в ту сторону.

На улицах Дакки царит ликование. На домах, воротах, стенах и деревьях — национальные флаги новой республики. С грузовых машин, до отказа заполненных молодежью, безостановочно звучит: «Джой Бангла!» («Слава Бенгалии!») Кругом счастливые, радостные лица. Люди поздравляют друг друга, поют, выкрикивают лозунги, стреляют в воздух из захваченного у пакистанских солдат оружия.

Город напоминает большой военный лагерь. Проходят группы бойцов освободительных сил с винтовками и автоматами, проезжают грузовики с индийскими войсками и техникой. У здания гостиницы «Интерконтинентал» стоит танк, дежурят автоматчики. С крыши свешиваются огромные белые полотнища с красными крестами. Здание в последние дни конфликта было объявлено нейтральной зоной и перешло в ведение Международного Красного Креста. В самом городе разрушений мало. Индийские самолеты обстреливали только военные объекты на окраинах.

Машина резко тормозит у армейского поста при въезде в кантонмент — район военных казарм. Неся на голове котомки с шинелями и провиантом, идут пленные пакистанские солдаты. Они не очень мрачны. Многие, видно, рады, что война позади.

Разоружение капитулировавших частей еще полностью не завершено. У одной из казарм нам попались солдаты с винтовками.

Сколько же всего пакистанских войск находится в Дакке? Офицер штаба 311-й индийской горнострелковой бригады, первой вошедшей в город, капитан Чакраварти отвечает, что пока учет пленных еще не закончен. Предположительно их около 15 тысяч.

— Условия капитуляции строго соблюдаются, — говорит он, — и всем военнопленным гарантируется гуманное обращение.

Время, отведенное на пребывание в Дакке, почти на исходе, когда мы добираемся до генерального консульства СССР, расположенного на окраине города. Здесь, несмотря на осадное положение, не прекращалась нормальная работа. Нас радушно встречают и предлагают остаться. Свободное помещение в консульстве, оказывается, есть. Вариант крайне заманчивый, и мы прощаемся с подполковником Сикли, объяснив ему, что задержимся на несколько дней в Дакке в своем представительстве.

Офицер уезжает, а нас уже через несколько минут начинает точить червь сомнения: выяснилось, что телефонные и телеграфные линии, связывающие Дакку с внешним миром, полностью выведены из строя. Значит, передать корреспонденцию в ближайшие дни вряд ли удастся.

После недолгого колебания мчимся на аэродром. Тут уже наведен порядок: летное поле очищено от посто-

ронных, входы охраняются солдатами, которые, естественно, отказываются пропустить иностранцев, не имеющих документов. К ужасу своему, замечаем, что наш вертолет уже запустил винт. Что делать? Раздумывать некогда. Неожиданно для охраны перелезаем через стену, окружающую аэродром, и, не обращая внимания на предупреждающие окрики, бежим к машине. На ходу с облегчением замечаем, что стоящий поодаль офицер дал знак солдатам оставить нас в покое, а подполковник Сикли радостно машет рукой за стеклом кабины.

ПО СЛЕДАМ ВОИНЫ

Кхулна, 19 декабря

Война почти не оставила следов в пограничных селениях Республики Бангладеш. Дом бывшей пакистанской таможни с выбитыми окнами, разнесенное снарядами в щепы дерево — вот, пожалуй, и все, что напоминает о недавних боях, когда вы едете по шоссе из пограничного пункта Бенапол в Кхулну. Километрах в пяти от Бенапола дорогу перерезает длинный земляной вал, зияющий пустыми глазницами амбразур. Здесь проходила основная линия пакистанской обороны. Но наступающие части освободительных сил «мукти бахини» и индийской армии обошли эти укрепления с флангов, и оккупационным войскам пришлось в спешке бросать их вместе с боевой техникой.

У входа в просторный двор механизированной фермы дежурит индийский часовой. Он охотно пропускает журналистов посмотреть на временный склад трофейной техники — 105-миллиметровые пушки, грузовики, джипы... На ящиках с артиллерийскими снарядами знак американской военной помощи — рукопожатие на фоне звездно-полосатого флага. А рядом коробки с минами, на которых хорошо видны китайские иероглифы. Символическое соседство. Вашингтон и Пекин оказывали прямую поддержку военной хунте.

В освобожденной Кхулне улицы заполнены народом и найти кого-нибудь, кто представлял бы новую власть, кажется почти немислимым. Несколько машин нашей журналистской группы остановилось у двухэтажного до-

Отряд «мукти бахини»

ма, во дворе которого стояло человек двадцать борода-тых молодых парней в куртках защитного цвета с кара-бинами в руках.

Корреспондент «Чикаго Дейли Ньюс» с налету при-нялся их интервьюировать. Едва узнав имя собеседни-ка, он забрасывал его вопросами: «Сколько пакистан-цев вы лично убили?», «Что будете делать с оружием — сдадите правительству или оставите у себя?» Саид Иса, командир отряда «мукти бахини», радушно было встре-тивший иностранцев, насутился и вместо ответа спро-сил: «А вы из какой газеты?»

Американец назвал себя, потом представил своих попутчиков — сотрудников скандинавского информа-ционного агентства и телевидения. Саид Иса и его товари-щи по отряду угрюмо молчали. Интервью явно срыва-

лось. Тогда мы сказали, что журналисты из Москвы тоже хотели бы задать вопросы. Реакция была неожиданно бурной. Иса бросился к нам и крепко обнял нас.

Он рассказал, что его отряд численностью около ста человек был создан в апреле из горожан, покинувших Кхулну.

— Как вы представляете будущее Бангладеш?

— Мы одобряем выдвинутую Народной лигой программу, провозгласившую, что новое государство должно быть основано на принципах демократии, социализма и свободы вероисповедания.

Иса показал нам здание, где размещался окружной штаб «мукти бахини». Там мы познакомились с одним из командиров — Худа. Подчиненные называли его майором, но Худа, улыбаясь, объяснил, что это звание дано условно. Почти все, кто руководит партизанскими формированиями, насчитывающими тысячу и больше штыков, считаются майорами.

Освободительные силы объединяют два типа войск: регулярные («мукти фаудж»), ядро которых составили бывшие части пакистанской армии — восточнобенгальский полк и бенгальские стрелки, и иррегулярные («мукти бахини»), куда могут вступать все патристически настроенные граждане. Отряды «мукти бахини» в свою очередь различаются в зависимости от срока и характера обучения добровольцев. Среди них есть боевые партизанские подразделения, группы поддержки, связные и т. д. Территория страны разделена на 11 военных секторов, каждый из которых включает по нескольку округов. Командиры секторов и их заместители, как правило, кадровые военные. Сам Худа служил в пакистанской армии и имел чин капитана, но за участие в движении бенгальцев был демобилизован.

Он приехал в Кхулну и организовал здесь отряд из студентов, молодых рабочих и крестьян, к которому присоединились бывшие бенгальские полицейские и военно-служащие — всего примерно 6 тысяч человек. Однако Худа прекрасно знал, что патриоты, несмотря на высокий моральный дух, не смогут противостоять регулярной армии, оснащенной современной артиллерией, танками и реактивными самолетами. Выход виделся в одном — в партизанской войне. И отряд, разбившись на группы, отошел в сельскую местность. Здесь условия для сопротивления были значительно более благоприятными: мно-

жество речушек, затопленные рисовые поля мешали противнику эффективно использовать танки и артиллерию, пакистанские солдаты не осмеливались уходить далеко в сторону от дорог. Поэтому каждая деревня в глубинке становилась опорным пунктом партизан. Освобожденные районы, где действовали органы власти, назначенные «мукти бахини», охватывали значительную территорию. Там же создавались лагеря для обучения вступающих в их ряды добровольцев.

К декабрю, по словам майора, в их секторе насчитывалось около 30 тысяч партизан, и среди них подразделение аквалангистов-подрывников, которые сумели потопить несколько боевых катеров и морских судов, груженых военным снаряжением. Когда индийские войска перешли в наступление в районе Кхулны, «мукти бахини» начали активные операции в самом городе и его окрестностях, а после капитуляции пакистанских войск взяли на себя функцию обеспечения законности и порядка на освобожденной земле (до организации отрядов полиции).

Среднего роста, в очках, Худа походил скорее на преподавателя колледжа, чем на старшего офицера. На нем были обычные гражданские брюки, рубашка с короткими рукавами и берет. О принадлежности к военным напоминал только револьвер в кобуре на поясе.

— Вы, видимо, останетесь в регулярной армии Бангладеш? — интересуемся мы.

— Нет, после освобождения страны хочу стать журналистом. Время еще есть. Мне тридцать три года.

Из штаба мы отправились в здание муниципалитета. Как выяснилось, новая администрация уже приступила к работе. Нас, понятно, интересовало, что делается для восстановления нормальной жизни в городе, для снабжения жителей предметами первой необходимости. И тут мы расстались с коллегой из «Чикаго Дейли Ньюс»: он уехал добывать материалы о разногласиях и даже стычках, якобы возникавших между партизанскими и регулярными частями освободительной армии. Такие слухи в то время усиленно распространяла заокеанская пропаганда.

В кабинете Камала Сиддики, заместителя комиссара Кхулны, мы застали нескольких служащих районного государственного аппарата. Как и в Джессуре, им приходится в первую очередь решать проблемы, связанные

с доставкой продовольствия и горючего, готовиться к приему возвращающихся беженцев.

Среди посетителей, наполнивших здание районного комиссариата, немало людей, переживших тяжелое личное горе. Одни просят помочь найти родных, потерявшихся во время террора. Другие спрашивают, где разместить семью, пока сожженный солдатами дом не будет отстроен.

Уже после освобождения города вскрылись новые факты преступлений, совершенных военщиной. На пустыре и в водоемах неподалеку от радиостанции обнаружены останки десятков людей. Нетрудно догадаться, какие чувства испытывают те бенгальцы, родные и близкие которых пали жертвами убийц. Нам рассказывали, что в первые дни после капитуляции пакистанских войск в Кхулне были отмечены случаи самосуда над пособниками карателей. Камал Сиддики заявил нам, что администрация принимает меры, чтобы подобные инциденты не повторились.

— Соучастники преступлений, конечно, должны предстать перед судом. Но правительство Бангладеш не допустит проявления враждебности или дискриминации по отношению к лицам небенгальского происхождения. Представители меньшинства, говорящие на языке урду, будут пользоваться всеми правами граждан республики.

ДАККА ЗАЛЕЧИВАЕТ РАНЫ

Дакка, 22 декабря

Дакка напоминает человека, который постепенно обретает силы и душевное равновесие после пережитой трагедии. Многие дома еще щетинятся дулами орудий и пулеметов, не очищены полностью от мин окраины, а новая администрация уже развила бурную деятельность по восстановлению нормальной жизни в столице.

Первая забота городских властей — накормить население. В старой части Дакки, всегда славившейся своими шумными торговыми рядами, металлические жалюзи магазинов спущены: торговцы ждут, пока прояснится обстановка. Однако рынки работают, на них достаточно овощей и риса — основных продуктов питания бенгаль-

цев. Нам говорили, что подвоз продовольствия улучшается, так как крестьяне, которые раньше боялись появляться в городе, теперь охотно едут на базары.

Разумеется, проблему снабжения не решить за несколько дней. Пройдет еще немало времени, прежде чем удастся навести мосты через реки, отремонтировать железнодорожные пути и шоссе, связывающие Дакку с остальной частью страны. Пока главной транспортной артерией столицы остается водный путь.

В порту на берегу Бурхи Ганга (Старый Ганг) ни на час не прекращается движение судов. К тяжеловесным баржам, замершим у причала, то и дело подруливают грузовые парходики, сампаны с треугольными парусами. Лодочники, энергично работая веслами, доставляют пассажиров с одного берега на другой. Пристань и зал ожидания заполнены народом.

Порядок сохраняется в кантонменте. У въезда в него дежурят индийские часовые. На улице можно встретить пленных пакистанских солдат. Они размещаются обычно в тех же казармах, где жили раньше. В военном городке временно находятся и высшие гражданские чиновники военного режима.

В городе действуют уже электростанция и система водоснабжения. А вот связь, выведенная из строя по приказу пакистанского командования, еще не налажена, и многочисленным иностранным журналистам придется совершать челночные рейсы на индийских военных самолетах в Калькутту, чтобы передать репортажи в свои агентства. В Даккском аэропорту заканчивается ремонт взлетной полосы, поврежденной бомбардировками.

Перед страной стоят не только экономические проблемы. Политические изменения требуют обновления государственного аппарата. Правительство Республики Бангладеш уже назначило на ряд ответственных административных постов специалистов, участвовавших в освободительной борьбе. С одним из них, государственным секретарем по организационным вопросам Кадером, мы встретились. Кадер не преуменьшал трудностей.

— Мы должны помочь миллионам беженцев вернуться в родные места. Нужно обеспечить их транспортом, питанием, временным жильем. На это в первую очередь будут направлены наши усилия. Я верю, при поддержке народа, особенно молодежи, мы справимся с задачей.

По вечерам на улицы Дакки выходят патрули «мук-

ти бахини». На них возложена задача охранять население от террористов, которые все еще вооружены и скрываются от полиции и властей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕСНИ

Дакка, 23 декабря

У Каримула Алама мечтательные глаза, по-юношески звонкий голос. Одет просто: клетчатая ковбойка, брюки из хлопчатобумажной материи. Он сидит напротив нас и тихонько наигрывает на бичитре — струнном инструменте бенгальцев.

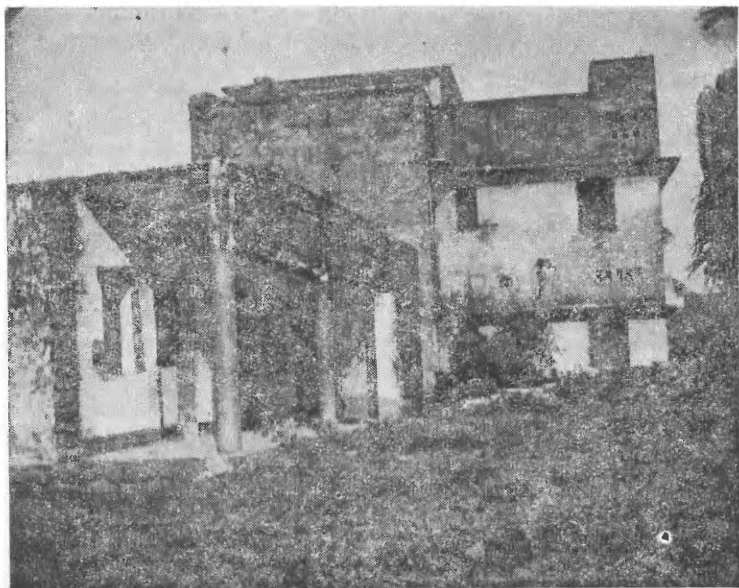
О Мать Бенгалия! Край золотой!..
Я твой, навеки твой!
Когда печальна ты — и я скорблю с тобой.

Эта песня Рабиндраната Тагора, ставшая национальным гимном Бангладеш, в последний раз звучала на улицах Дакки девять месяцев назад — во время массовых демонстраций. Потом распевать ее стало опасно. Вряд ли об этом знает кто-нибудь лучше, чем сам Каримул Алам.

Он вспоминает:

— Вечером 25 марта я вместе с другими студентами находился в общежитии Даккского университета. Ночью нас разбудили звуки стрельбы. Мы выглянули на улицу и поняли, что пакистанские войска атакуют казармы восточнобенгальского полка. Каноада, не прекращавшаяся несколько часов, стихла под утро. Никто точно не представлял себе, что произошло, но было видно, что в городе полно солдат. В полдень они начали окружать наше общежитие. Потом мы услышали тяжелые шаги в коридоре, удары прикладов в дверь соседней комнаты, мольбы о пощаде, выстрелы.

Это были ужасные минуты. Мы не сомневались: скоро очередь дойдет до нас. Солдаты стали ломиться в нашу комнату. Я открыл. Они приказали выстроиться у стены, подняли винтовки. Что произошло дальше, вижу как в тумане. Очнулся на полу, рядом лежали мои товарищи. Я притворился мертвым.

Здание Даккского университета,
пострадавшее от обстрела

Рассказ продолжает А. Манзурул, преподаватель биологии Даккского университета:

— Алам дождался вечера и, когда стемнело, выполз с университетского двора, добрался до развалин дома, наполовину сгоревшего во время боя. Там мы его и подобрали. Врачи не могли держать его в больнице и приходили лечить к родственникам, у которых он прятался.

Алам показывает след от пули. Она прошла пониже плеча, не задев легкое. Парень чудом остался жив.

Военная хунта рассчитывала, что террор парализует освободительное движение. Вышло иначе. Студенты, рабочие покидали города, вступали в партизанские отряды, формировавшиеся в джунглях офицерами бывшего восточнобенгальского полка. Костяк этих отрядов составляли юноши восемнадцати-двадцати лет. Взялся за оружие и Каримул Алам, мечтатель, влюбленный в музыку, в поэзию, прежде и не помышлявший о войне.

И сегодня студенты, воевавшие с оккупантами, — самая активная часть молодежи. В общежитиях Даккского университета, где временно расположились их отряды, непрерывно идут митинги, дискуссии. Ораторы говорят об итогах борьбы, о том, что бенгальцы стали хозяевами своей земли, и, конечно, о будущем.

Мы побывали на юридическом факультете университета, в штабе студенческого союза Бангладеш. На просторной лужайке перед общежитием многолюдно. Оказалось, активисты союза заканчивали приготовления к демонстрации, назначенной на следующий день. Руководители отрядов склонились над картой города, изучая маршрут. На грифельной доске, отодвинутой к стене, мелом выведено: «Да здравствует свободная Бангладеш!»

Высокий худощавый юноша, президент студенческого союза Нурул Ислам, протягивает нам руку.

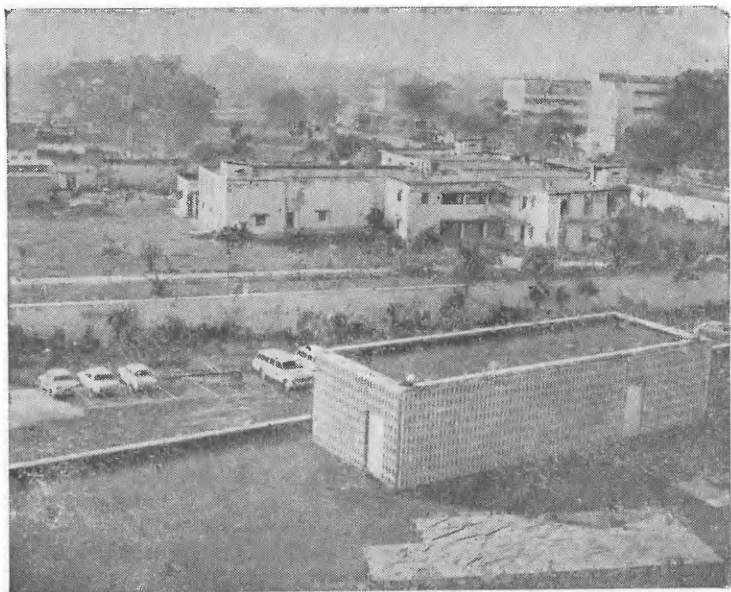
— Наша ближайшая цель — национальное освобождение — достигнута. Но сражение не закончено. В стране скрывается немало бывших карателей, активизировалась американская агентура. Наш союз призывает развернуть борьбу за демократию, против происков американского империализма и пекинского руководства. Мы выступаем за укрепление дружбы с СССР и Индией. Под этими лозунгами студенты выйдут на демонстрацию.

КОНЕЦ ЗАТОЧЕНИЯ

Дакка, 24 декабря

Одноэтажный кирпичный дом напоминает небольшую крепость, готовую к длительной осаде. На крыше установлен пулемет, во дворе вырыты траншеи. Здесь находится семья Муджибура Рахмана — его жена и дети. Они остались в том самом здании, куда девять месяцев назад их поместили военные власти. В течение всего этого времени пакистанские солдаты круглосуточно стерегли их. Бегум Рахман наотрез отказалась перебраться в собственный дом, пока муж не вернется на родину.

— 25 марта военные арестовали Муджибура Рахмана, — рассказывает она. — Назавтра солдаты пришли снова, на сей раз уже за нами. Мы спрятались у соседей, однако в конце концов нас выследили и посадили под стражу.

Дакка — столица Бангладеш

— Сыну Джамалу в августе удалось бежать и перейти на индийскую территорию, а старшего сына Камала не было с нами с 25 марта. Он вступил в освободительную армию. Я встретила с ними всего несколько дней назад.

— Месяцы заточения были, наверное, самыми тяжелыми в моей жизни. Я ничего не знала о судьбе мужа. Ни я, ни дочери не могли предугадать, что будет с нами. Из всей семьи в город иногда выходил только брат мужа: охрана разрешила ему покупать для нас продукты.

Когда первые колонны «мукти бахини» и индийских войск заняли столицу Восточной Бенгалии, майор индийской армии Тхара, безоружный, подошел к дому и сказал охране, что командование пакистанской армии в Дакке подписало акт о капитуляции. Солдаты долго не хотели ему верить, грозили открыть огонь. Все же майор сумел убедить их сложить оружие. Конечно, я рада, что нас вызволили из заточения, но пока Муджибур не вернулся в родной дом, у меня на душе неспокойно.

Помолчав с минуту, она поправила черную шаль, брошенную на плечи, и добавила:

— Только сейчас я узнала, что в Советском Союзе проходили митинги с требованием освободить моего мужа. Я не могу подыскать слова, чтобы выразить признательность вашему великому народу.

ПРИЕЗД МУДЖИБУРА РАХМАНА

Дакка, 10 января 1972 года

Наступил день, которого с нетерпением ждало почти все население Бангладеш. С грифом «молния» информационные агентства мира передали сообщение, что Шейх освобожден и находится на борту пакистанского воздушного лайнера, взявшего курс на Лондон. Сам восточно-бенгальский лидер до последнего момента не имел представления о том, куда направляется самолет. Он, естественно, требовал, чтобы ему дали возможность кратчайшим путем попасть на родину. Однако между Пакистаном и Бангладеш отношения были прерваны. Добрые услуги Индии пакистанские руководители отвергли. В качестве компромиссного варианта они согласились на посредничество английского правительства.

10 января на Даккский аэродром с утра начали стекаться толпы народа. Люди заполнили всю дорогу от здания аэропорта до гигантской чаши ипподрома в центре города, где должен был состояться митинг. Место это выбрали не случайно. Именно здесь 7 марта 1971 года Муджибур Рахман бросил вызов бывшим военным правителям Пакистана, призвав народ Восточной Бенгалии к решающей битве за национальные права. Здесь же девять месяцев спустя свершился акт капитуляции оккупационной армии.

Сейчас вдоль всего маршрута сооружались праздничные арки, вывешивались национальные флаги, выстраивались оркестры. Точно время прибытия было неизвестно: Муджибур Рахман останавливался в Дели, где встретился с Индирой Ганди и выступил на митинге. Но вот в небе Дакки появился самолет с четырьмя турбинами — первый реактивный лайнер, которому разрешили приземлиться на только перед тем отремонтированную полосу аэродрома.

Митинг, посвященный возвращению Муджибура Рахмана

Церемония встречи сразу же пошла не по протоколу. Едва Муджибур Рахман сошел с трапа, экспансивные бенгалцы прорвали полицейские кордоны и понесли Шейха на руках. Он и его ближайшие соратники поднялись на открытый грузовик, украшенный красными и голубыми полотнищами. В десятках автобусов, грузовиков и легковых машин разместились политические деятели и представители новой правительственной администрации, студенческие и профсоюзные лидеры, командиры отрядов «мукти бахини». Торжественный кортеж под многоголосие приветственных возгласов, барабанную дробь, пение рожков медленно двинулся вперед, прокладывая дорогу сквозь миллионную толпу. Путь, который машина обычно проходит за двадцать минут, был покрыт лишь за несколько часов.

На ипподроме Шейх обратился с первой речью к народу освобожденной республики. Говоря о жертвах, понесенных в борьбе за независимость, он не мог сдержать слез и вынужден был замолчать. Муджибур Рахман за-

явил, что новое государство намерено следовать принципам мирного сосуществования и неприсоединения, демократии, секуляризма и социализма. Он сердечно поблагодарил правительство и народы Индии и Советского Союза за поддержку, оказанную Бангладеш.

В этот памятный день дакское телевидение показывало советский кинофильм «Александр Пархоменко».

В ПОИСКАХ ИНФОРМАЦИИ

Дакка, 12 января

Где получить достоверную информацию о положении в стране? Этот вопрос газетчики, съехавшиеся в Дакку со всех концов света, настойчиво задавали растерянным сотрудникам отдела прессы. Те мало чем могли помочь. Чиновники, служившие при прежнем режиме, они не пользовались доверием у министров правительства, сформированного на освобожденной территории, и у командующих отрядами «мукти бахини» и потому просто не имели сведений, которые интересовали журналистов.

Газетчики создали своего рода «пул» по обмену новостями. Каждый вечер они собирались в просторном вестибюле отеля «Интерконтинентал» и делились тем, что удалось узнать за день. Публика тут была весьма разношерстная: можно было встретить и известного на Западе седовласого господина в костюме с бабочкой, прилетевшего вместе с секретаршей, и волосатого парня лет двадцати двух в джиинсах и рубашке, работавшего на французскую телевизионную компанию. В холлах отеля, как всегда, слонялись, прислушиваясь к разговорам, здоровенные, спортивного вида типы с бритыми затылками, которые называли себя представителями западноевропейских или американских частных благотворительных обществ, призванных оказывать помощь развивающимся странам.

Знакомый по Дели корреспондент из Австралии однажды сказал про одного из них: «Носит форму с красным крестом, а я встречал его раньше в Сайгоне в штабе американской армии...»

Дней через десять после освобождения Дакки работать стало легче: начали выходить некоторые газеты на

английском и бенгальском языках. Небольшого формата, четырехполосные, они тем не менее давали важнейшую информацию о событиях в стране и за рубежом.

Выпуск газет был большим успехом бенгальских журналистов. Нужно учесть, что пакистанская администрация строго контролировала прессу, руководящими сотрудниками официозных изданий являлись сторонники военного режима. (После капитуляции пакистанской армии они скрылись.) Прогрессивная печать подвергалась жесточайшим преследованиям. Каратели в ночь на 26 марта подожгли здание редакции газеты «Иттифак» («Единство»), пропагандировавшей идеи Народной лиги. Многие сотрудники, находившиеся в помещении, погибли. Тогда же была разгромлена газета левого направления «Шангбад» («Новости»).

Выпуск «Иттифак» до сих пор не налажен, а первый номер «Шангбад» вышел в свет в начале января. Весь штат газеты ютится в нескольких комнатах полуразрушенного дома. Печатное оборудование, лино типы выведены из строя. Газета набирается вручную в небольшой глинобитной лачуге, покрытой листьями кровельного железа.

— В марте прошлого года семьдесят процентов наших работников ушло в партизаны, — говорит редактор Ахмадул Кабир. — После освобождения они вернулись и сразу взялись за дело. Приходится преодолевать массу трудностей, и, если бы не энтузиазм редакторов, корреспондентов, рабочих типографии, возобновить выпуск было бы невозможно. Мы собираемся увеличить тираж, стараемся улучшить профессиональный уровень нашей газеты, которая всегда выступала против реакции, за демократию и социализм.

ВСТРЕЧА С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ

Дакка, 16 января

Разумеется, почти все корреспонденты, попавшие в Дакку, надеялись получить интервью у Муджибура Рахмана. Однако он после митинга на ипподроме исчез из поля зрения многочисленной журналистской братии. 11 и 12 января в кулуарах передавали лаконичные со-

общения о непрерывных совещаниях Шейха с помощниками и соратниками по партии. Наконец 13 января стало известно о том, что сформирован новый кабинет, который в тот же день должен был принести присягу.

Когда в апреле 1971 года руководство Народной лиги впервые объявило о создании правительства независимой Республики Бангладеш, территория страны была оккупирована пакистанской армией, а глава партии Муджибур Рахман находился в тюремном заключении. Его провозгласили тогда заочно президентом нового государства. Генеральный секретарь Народной лиги Таджуддин Ахмед стал премьер-министром, а вице-президент партии Саед Назрул Ислам — вице-президентом республики и исполняющим обязанности президента в отсутствие Муджибура Рахмана.

В связи с возвращением Шейха произошло перераспределение постов. Поскольку руководство правящей партии решило, что в республике установится парламентарный строй, при котором полнота исполнительной власти принадлежит главе правительства, кресло премьер-министра было предложено Муджибуру Рахману (он же возглавил министерство обороны и внутренних дел). Пост президента занял бывший вице-ректор Даккского университета профессор Абу Саед Чоудри. Ближайшие сподвижники Шейха — Назрул Ислам, Таджуддин Ахмед, Абдус Самад — стали министрами соответственно промышленности и торговли, финансов, иностранных дел.

Присяга кабинета состоялась в бывшем дворце губернатора Восточного Пакистана, ныне отведенном президенту республики. Здание пострадало во время осады — в стенах виднелись пробоины от снарядов, пулевые отверстия, окна выбиты, штукатурка и лепные украшения осыпались. Пустовавшие в течение месяца помещения дворца сейчас заполнились людьми. В одном из центральных залов собрались видные деятели национально-освободительного движения, члены дипломатического корпуса, множество журналистов. Президент и Верховный судья в длинных париках и средневековых мантиях по старинной традиции приняли присягу.

14 января премьер-министр созвал пресс-конференцию, на которой изложил основные принципы политики нового государства, а на следующий день он согласился дать интервью нескольким корреспондентам, представлявшим крупные органы печати, телевидение и радио.

Двухэтажный каменный особняк в глубине тенистого сада, кусты алых роз у открытой террасы. Перед главным входом высокий флагшток с развевающимся национальным стягом республики. Это официальная резиденция премьер-министра, тот самый дом (ранее вилла президента Пакистана), где в марте 1971 года проходили переговоры Яхья Хана с Муджибуром Рахманом о передаче власти избранникам народа, переговоры, которые так неожиданно были прерваны.

В приемной тесно от посетителей. У двери кабинета премьер-министра нас поджидает его секретарь по прессе.

— Очень прошу, не больше 15 минут, — шепчет он скороговоркой и распахивает створки двери, пропуская нас.

Поднявшись из-за большого письменного стола в дальнем углу просторной комнаты, навстречу идет хорошо знакомый по многочисленным фотографиям высокий худощавый человек, лет пятидесяти, в очках, с волевым, может быть, даже жестким лицом. Длинные темные с проседью волосы, седоватые усы.

И по внешнему облику Муджибур Рахман — прирожденный политический лидер: уверенные движения, мощный голос, повелительный взгляд.

Одевается Муджибур Рахман всегда одинаково. На нем национальный костюм — белые брюки и белая рубашка без воротничка, поверх которой черная безрукавка, получившая в Бангладеш название «сюртук Муджибура». Он не пьет алкогольных напитков и запретил подавать их на официальных приемах, но страстный курильщик и никогда не расстается с трубкой.

Мы сели в кресла вокруг низенького газетного столика. Муджибур Рахман первым начал разговор.

— Прежде всего я хотел бы выразить глубокую признательность великому Советскому государству, его руководителям, которые подняли голос протеста против террора. Народ Бангладеш никогда не забудет о помощи СССР, оказанной в трудный для нас час.

В молодости мне довелось прочесть немало книг по истории вашей страны, о русских революционерах, которых цари ссылали на каторгу в Сибирь. Находясь в пакистанской тюрьме, я не раз думал о них и верил, что дело свободы восторжествует, так же как оно победило в России.

После 26 марта 1971 года сообщения мировой прессы

о положении в стране и судьбе лидера восточных бенгальцев были крайне противоречивы. Мы просим Муджибура Рахмана рассказать о событиях тех дней.

— Действия военной хунты не были для нас совершенно неожиданными, — вспоминает он. — По моему указанию руководители Народной лиги ушли в подполье, но я остался дома. За моей резиденцией была установлена непрерывная слежка. Нам стало известно, что враги решили организовать на меня покушение, а вину свалить на левых экстремистов. Это дало бы военной хунте возможность оправдать карательные операции.

Вечером к моему дому подъехал грузовик с солдатами специальных частей «командос». Открыв огонь из автоматов, они ворвались внутрь. Тогда я вышел к ним и сказал: «Если вы пришли за мной, арестовывайте, но прекратите стрельбу».

Муджибура Рахмана продержали на территории военного городка Дакки до 1 апреля, а затем тайно переправили в тюрьму, расположенную в пустынной местности Западного Пенджаба. Он был полностью отрезан от внешнего мира, не получал ни газет, ни писем.

Когда Яхья Хан вынужден был подать в отставку и президентом стал Бхутто, он посетил бенгальского лидера и попытался убедить его в необходимости сохранить, хотя бы формально, единство Пакистанского государства. Однако Шейх твердо заявил, что он сможет вести переговоры только по возвращении на родину и после консультации с другими партийными руководителями.

Вернувшись в Дакку, Муджибур Рахман убедился в том, что воссоединение восточной и западной провинций невозможно: слишком много жертв принесли бенгальские патриоты в борьбе за свою свободу.

Мы просим Шейха рассказать в основных чертах о политическом курсе молодой республики.

— На международной арене, — отвечает он, — мы выступаем за неприсоединение, мирное сосуществование, дружбу народов. Во внутривнутриполитической сфере наша цель — развитие страны по социалистическому пути. Однако совершенно ясно, что мы не в состоянии решить эту задачу быстро. Поэтому наряду с государственным сектором, который охватит ключевые отрасли промышленности, национализированные банки, страховые компании, будет существовать также частный сектор. В то же время мы не допустим образования монополий.

— На мой взгляд, — подчеркивает Муджибур Рахман, — представители рабочих должны участвовать в управлении предприятиями — как государственных, так и частных.

Особое внимание наше правительство уделяет аграрной проблеме. У многих крестьян нет земли. Мы предполагаем распределить все пустующие земли среди бедняков, постепенно создавать в деревне кооперативы, помогать им кредитами. Ежегодно сельские жители терпят большой ущерб от наводнений во время муссонных дождей. Мы планируем широкое ирригационное строительство. Если удастся укротить стихию, урожай возрастет и страна сможет обеспечить себя продовольствием. Эти задачи мы намерены решать вместе со всем народом и в сотрудничестве с другими прогрессивными партиями.

КТО НАПРАВЛЯЛ УБИЙЦ?

Дакка, 18 января — 22 марта

Вдоль серой каменной стены на высоте в полтора человеческих роста протянута колючая проволока. На воротах вывеска: «Институт физической культуры». За оградой видны несколько двух- и трехэтажных зданий — учебные корпуса и общежития. На крышах оборудованы огневые точки, обложенные мешками с песком. Посреди баскетбольной площадки вырыт блиндаж.

— Кто вы такие?

Узнав, что мы советские журналисты, незнакомец протягивает руку.

— Вы наши друзья. Для вас двери всегда открыты.

Встретившего нас бенгальца зовут Хан Маджлис. Он директор Института физкультуры, здание которого в годы правления военной хунты было одним из самых зловещих мест в Дакке. Здесь располагался штаб организации ультраправых религиозных фанатиков «Аль Бадар».

— Альбадаровцы появились здесь в начале сентября. Их было легко распознать: они носили униформу — шаровары и рубахи пепельного цвета, все отращивали бороду, подстриженную клином, — возможно, считали это признаком ортодоксального мусульманина, — были вооружены новенькими карабинами и автоматами китайского производства.

Студентов, преподавателей, сотрудников выгнали из общежития. Выселили и меня, но я все это время снимал комнатушку в доме по соседству и оказался очевидцем того, что происходило на территории института.

Директор вводит нас в гимнастический зал. Шведские стенки, баскетбольные щиты... Трудно представить себе, что совсем недавно здесь была камера пыток и спортивные кольца, свисавшие с потолка, использовались в качестве дыбы. Но это так. Институт в последние месяцы оккупационного режима был превращен в концентрационный лагерь. Сюда ежедневно доставляли арестованных бенгальцев.

— Пытали обычно по ночам, — продолжает Хан Маджлис. — До нас доносились стоны и крики, нередко их прерывали выстрелы. Когда мы пришли сюда после освобождения Дакки, пол был залит кровью.

Допросы заключенных велись и в мужском общежитии, расположенном по другую сторону футбольного поля. Несколько рабочих засыпают неглубокую яму. Неожиданно лопата одного из них упирается во что-то твердое. Человеческий череп. Не выказывая особого удивления, рабочий осторожно кладет его на траву. Такие находки тут нередки. Обычно альбадаровцы казнили свои жертвы на пустыре Раер Базар, неподалеку от института, но тех, кто умирал под пыткой, иногда зарывали на месте.

Перед тем как схватить человека, «Аль Бадау» рассылала письма. Вот одно из них, адресованное крупному чиновнику столичного муниципалитета Таджулу Исламу: «Наши люди, наблюдавшие за тобой, установили, что ты не отказался от своих злодейских замыслов, распространяешь слухи и занимаешься антиправительственной деятельностью, слушая так называемое радио Бангладеш и индийское радио.

Предупреждаем, немедленно прекрати это. Если ты не выполнишь наше требование, твоя жизнь и твоя собственность будут в опасности. Запомни, это первый сигнал, он действует в течение шестнадцати дней. Твоя судьба зависит от сообщения, которое сделают наши люди, наблюдающие за тобой».

Подобные предупреждения получили несколько сот преподавателей, ученых, писателей, врачей, журналистов Дакки. Почти всех их сегодня нет в живых.

Общественность Бангладеш требует тщательного расследования совершенных преступлений. «Такое расследование, — пишет газета „Шангбад“, — необходимо, чтобы вскрыть тайные пружины, приводившие в движение механизм террора».

О том, что представляет собой организация «Аль Бадар», до самых последних дней известно было весьма немного. Эта военизированная группировка примыкала к реакционной религиозно-общинной партии «Джамаат-и ислами». Членам «Аль Бадар» (преимущественно молодым людям в возрасте 18—25 лет) вдалбливалась мысль, что вере грозит опасность со стороны участников бенгальского национального движения и «индийских агентов».

Деятельность «Джамаат-и ислами», видимо, получала поддержку пекинских лидеров. Резолюция, принятая на закрытом митинге приверженцев партии в Дакке 9 августа 1971 года, призывала «переименовать города страны в честь храбрых пакистанских и китайских военных, наших единственных подлинных друзей».

Та же резолюция требовала «порвать отношения с СССР и другими враждебными государствами», конфисковать всю собственность индусов, сделать урду государственным языком Восточного Пакистана и заменить бенгальские названия, установить круглосуточную слежку за бенгальской интеллигенцией и бенгальскими служащими государственного аппарата и в случае проявления симпатии к Бангладеш судить их и казнить.

Сейчас следственные органы республики рассматривают дела лиц, виновных в уничтожении гражданского населения. Сбором материалов такого рода преступлений занимается и общественный комитет по расследованию геноцида, в который вошли семь крупных деятелей культуры. Председатель комитета, кинорежиссер Захир Рейхан, рассказал нам:

— Знакомясь с деятельностью «Аль Бадар», мы одновременно стремимся объективно ответить на вопрос о подлинных мотивах преступлений. В первые дни после освобождения, когда люди разыскивали на пустырях вокруг Дакки останки погибших отцов и братьев, нам казалось, что убийства были актом бессильной злобы религиозных изуверов, предчувствовавших неизбежный крах оккупационного режима. Но потом мы поняли, что это не так. Жертвами расправы пали те представители

бенгальской интеллигенции, которые были известны своими антиимпериалистическими взглядами.

Вот лишь несколько имен. Среди деятелей науки и культуры, замученных альбадаровцами накануне капитуляции, были: Сераджуддин Хуссейн, редактор прогрессивной газеты «Иттифак», разоблачавшей в своих статьях агрессивную политику США в Азии и борющейся против участия Пакистана в военных блоках; писатель Шахидулла Кайзер, президент ассоциации афро-азиатской солидарности Восточного Пакистана, один из руководителей восточнопакистанского общества дружбы с Советским Союзом; доктор Алим Чоудхури, президент ассоциации медиков Восточного Пакистана, выступавший против американо-пакистанского пакта, в прошлом член левого союза студентов; декан факультета бенгальского языка университета Дакки профессор Мунир Чоудхури, участник прогрессивного движения, неоднократно подвергавшийся тюремному заключению.

— Для фанатичных, невежественных альбадаровцев все писатели и профессора одинаковы, — продолжал Захир Рейхан. — И тем не менее они наносили удары исключительно по демократически настроенной интеллигенции. Вывод напрашивается сам собой: «добровольцы» организации являлись исполнителями чужой воли.

Кто же стоял за спиной убийц? После 17 декабря стали известны многочисленные директивы «Аль Бадар», а также записи ее лидеров и высших чинов пакистанской военной администрации. Мы смогли ознакомиться с этими документами в пресс-клубе столицы, где сейчас размещен общественный комитет по расследованию геноцида.

В распоряжении по лагерю «Аль Бадар» в Дакке от 16 ноября 1971 года указывается, например, что транспортом и оружием лагерь обеспечивает армия. Офицеры непосредственно руководили обучением и военной подготовкой карателей. Сохранилось расписание занятий. Все лекции читают военные — бригадир Башир, капитан Кайюм и другие.

В Дакке до сих пор с содроганием называют имя Ашраф Али Хана, возглавлявшего специальную команду, которая осуществляла казни бенгальцев. Он сам, по словам его шофера, утром 14 декабря расстрелял семь преподавателей Даккского университета на пустынной окраине города, рядом с мусульманским кладбищем.

Бойцы освободительных сил, проводившие обыск в его доме, обнаружили письмо, подписанное военным советником губернатора восточной провинции генералом Рао Фарманом Али и разрешающее главному палачу альбадаровцев свободно передвигаться по всей территории провинции. Местным властям предписывалось оказывать ему помощь.

По мере того как ширилась народная партизанская война против оккупантов, пакистанские генералы, уже не полагаясь на лояльность полиции, все большее внимание уделяли укреплению «добровольческих» отрядов. На это указывает следующая запись в дневнике Фармана Али: «Полицию следует вывести (очевидно, речь шла о районах, где освободительные силы действовали особенно активно. — *Авт.*). Использовать „Аль Бадар“, снабдить их новейшим оружием». 2 декабря структура карательных подразделений подверглась изменению. Были созданы специальные группы — арестов, пыток и приведения приговоров в исполнение.

Из документов видно, какими методами военные власти осуществляли контроль за освещением в прессе и радио событий в восточной провинции. Фарман Али против фамилии местного журналиста Низамуддина сделал пометку: «Motivated news» (необъективная информация). Вскоре этот человек исчез. Недавно стало известно, что его казнили. Ни подобия суда, ни законности... Росчерк пера Фармана Али было достаточно для ареста и расстрела.

Однако цепь на этом не замыкается. Документы и показания очевидцев свидетельствуют, что те, кто формировал отряды «Аль Бадар» и натравливал воспитанных в духе религиозного фанатизма молодчиков на лучших сынов бенгальского народа, были связаны с империалистическими державами. В дневнике того же генерала упоминаются два американских гражданина, побывавших в Дакке в 1971 году, — некие Хэйт и Двеспик. Рядом с их фамилиями стоят слова USA (США) и DGISI (аббревиатура, которая расшифровывается как «генеральный директор внутренней службы разведки»). Под именем Хэйта указано: «политический, 60—62, 70». Из другой записи следует, что американцы с помощью Фармана Али получили в Дакке два билета на самолет пакистанской международной авиалинии до Бангкока.

Кто же такие Хэйт и Двеспик? Вот что сообщает по

COMD

✓
1. Nizamuddin - motivated news APL
2.
3. Reporting - Payments.
4. Fund - (handpr. CSD. - Two Guitown)
5. Provincial Info Board

Страница из дневника Фармана Али.
Упомянута фамилия журналиста Низамуддина,
убитого альбадаровцами

этому поводу бенгальская газета «Дойник Бангла»: Хэйт родился в 1928 году, в 1946—1949 служил в армии США, с 1953 работает в военной разведке. Начиная с 1954 года побывал во многих странах в качестве политического атташе американских миссий — жил в Калькутте, Каире. В Дакке находился в 1960—1962 и в 1970 годах. Вновь прибыл сюда через год с сотрудником ЦРУ Двеспигом и вместе с Фарманом Али подготовил черный список бенгальской интеллигенции, насчитывавший три тысячи фамилий. Список этот нашли в спальне генерала.

Разумеется, контакты пакистанского командования и агентов ЦРУ сохранялись в тайне, рядовые члены «Аль Бадар» не были о них осведомлены. В то же время главари этой террористической организации, а также лидеры партии «Джамаат-и ислами», стараясь поднять моральный дух своих подручных, охотно рекламировали политическую близость между пакистанскими военными властями, Соединенными Штатами и Китаем. 12 декабря 1971 года секретарь даккского отделения «Джамаат-и ислами» разослал циркуляр, в котором говорилось: «У нас есть друзья за границей... Нас поддерживают Америка и Китай».

Сегодня заокеанская разведка пытается снять с себя ответственность за уничтожение бенгальских патриотов. Однако в ходе расследования причастность импе-

риалистических секретных служб к восточнобенгальской трагедии становится все более очевидной.

* * *

Прошло более двух месяцев с момента нашей последней записи в дневнике. Мы опять в Дакке. Здесь вновь совершено несколько политических убийств. Связанные с заокеанской агентурой ультраправые террористы пытаются запугать патриотов, выступающих за справедливое возмездие предателям.

Жертвой заговора стал и Захир Рейхан. Очевидно, деятельность комитета, возглавляемого этим известным кинорежиссером, не на шутку встревожила тех, кто боялся разоблачения. Захиру Рейхану устроили ловушку: позвонили по телефону и предложили встретиться якобы для того, чтобы сообщить важные сведения. Заподозрив неладное, он взял с собой в машину двух солдат. Дальнейшие обстоятельства дела пока неизвестны. Режиссер и сопровождающие исчезли, пустая машина через два дня была обнаружена на окраине Дакки. Полиция пришла к выводу, что они попали в засаду и убиты.

Новое преступление реакции вызвало бурю возмущения. В специальном номере еженедельника «Экспресс», посвященном жизни и творчеству Рейхана, подчеркивалось, что «империалистический заговор против демократической интеллигенции Бангладеш все еще продолжается». Журнал призвал правительство принять необходимые меры для обуздания империалистической агентуры.

Имя Захира Рейхана присвоено Институту кинематографии Бангладеш. Его фильмы, рассказывающие о борьбе народа Восточной Бенгалии за свободу, демонстрируются в кинотеатрах республики.

ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ ПОЭЗИИ

Дакка — Куштия, 24 марта

Каменные ступени ведут на небольшую площадку. Хрупкая седовласая женщина, не торопясь, поднимается по ступеням и застывает, склонив в молчании голову. Потом, обращаясь к нам, говорит:

— Здесь раньше стоял памятник студентам, участ-

উদ্বাস্তুদের সম্পত্তি ফেরত না দেয়া হলে কঠোর

ইয়াহিয়া চক্ৰের জনস্বার্থ বিবেচনা

বাংলাদেশের প্রধানমন্ত্রী জনাব জায়েদুল্লাহ মর্মান্বন গভীরভাবে দুঃখিত ভাবে বসন্তবনে সাংবাদিকদের সাথে আলাপকালে বলেন যে গত ২৫শে মার্চের পর বাংলাদেশে ইয়াহিয়া সরকার কর্তৃক গৃহীত জনস্বার্থ বিবেচনা সব ব্যবস্থা বাতিল

করা হয়েছে। এটিই পরিবর্তিত এই শব্দে বলা হয় যে সব উদ্বাস্তু ভারত থেকে ফিরে আসলে তারা তাদের সম্পত্তি ফিরে পাবে কিনা জানতে চাওয়া হলে প্রধানমন্ত্রী বলেন যে তারা তাদের জমি ইত্যাদি ফিরে পাবে - এ

সব সরকার কোন আশ্বাস পাননি। তিনি বলেন, এ বিষয়ের কোন স্পষ্ট পাত্তা এখনো মিলেনে তার কারণে বাস্তবায়ন করা হবে। গত ২৫শে মার্চের পরে উদ্বাস্তুদের সম্পত্তি নীলামের মত যে গভর্ণমেণ্টে বাংলাদেশ

Handwritten notes and stamps:

1. Two PIA tickets - Bangkok -

2. Rep US ✓ - CBS

3. Checks at night ✓

4. Airport Road, Netaka - Welding Household

Netaka

Stamps: COMD, DGLSI USA, 17, 6-51

জেনারেল ফয়সান আলীর অফিস কক্ষ থেকে পাওয়া আবেদনখানি চিত্রকূট

হত্যাজ্ঞের পেছনে সিআইএর অশুভ হাত?

শ্যেখ হিদয়তুল্লাহ

বাংলাদেশের সাধারণ জনসাধারণ ও বুদ্ধিজীবী নির্যাতনের হত্যাজ্ঞের পেছনে সামরিকবাদী শাসিত অশুভ হাত সক্রিয় ছিল বলে মনে রাখা হবে তথা পাওয়া যাচ্ছে।

আমাদের হাতেও একটি চাকলাকর ডাঙা এসেছে। এ ডাঙা দুটো নাম দ্যাগ্নি: হুইট ও ম্যাক ডিক্সন শ্রেণীক পায়েরা যাচ্ছে। এরা কি সামরিক চক্রান্তকারী ক্যাডা ও বহুল প্রচলিত সামরিক সদস্য এর দুই উল্লেখ করলে পাবে যে পূর্ণাঙ্গ সক্রিয় ও সামরিক নিয়ন্ত্রণের অধীনে সামরিক হস্তক্ষেপের পায়েরা

হত্যাজ্ঞাই নানাযুক্তি থেকে ঘাবড়ী উঠেছে যে হানাদকর দস্যু ইয়াহিয়া খান ও তার সাঙ্গপাঙ্গদের হত্যাজ্ঞের পেছনে বিদেশী শাসিত ও চক্রিত ছিল। গত ২৪শে ডিসেম্বর জনাব জহীর রাহমানের এক সাক্ষাৎ সাংবাদিক ইয়াকুব মুহাম্মদজনে প্রতিবেদন করেছেন যে দেশটোয় কায়দার বাংলাদেশের বুদ্ধিজীবীদের ওপর কর্তৃত্ব ব্যাপারে বিদেশী শাসিত ও চক্রিত ছিল।

যুগ্মী হাতে ফয়সান আলীর অনেক বুদ্ধিজীবী শাসিত হাতে লেগেছে এটি বিবেচনা করলে উৎসাহ দেয় যে যদি সত্যি সত্যি হতে হতো দুটো নাম দ্যাগ্নি হতে হতো এর ক্যাডা

১৬ই ডি

ভারতে

রক্ষা

ভারতের নিকট পাঁচ পাট ও পাট-জাত দুই কিসমতের উপর যে নিষেধাজ্ঞা ছিল, তা তুলে নেওয়া যাবে।

গতকাল শনিবার এটিপারি পরিষদে ভারত সরকারী প্রেস মাটির বহুত দিকে ফলা হয় যে এখন থেকেই ভারতের নিকট কাঁচা পাট বিক্রি করা যাবে।

কাঁচা পাট ও পাটজাত দুইবার নিষেধা পুনরায় শুল্ক করার ব্যাপারে বাংলাদেশ সরকার নিশ্চিন্তচিত্তে সম্পাদকসমূহ গৃহীত করেন:

১। ১৯৭১ সালের ১২ই ডিসেম্বরের পূর্বে বাংলাদেশ সরকার/মিল-সমূহ কাঁচা পাট ও পাটজাত দুই নিষেধাজ্ঞা ব্যাপারে যে সমস্ত চুক্তি সম্পাদন করেছিল, সেগুলোই সেই বাতিল করা হবে। কাজেই কাঁচা পাট ও পাটজাত দুই নিষেধাজ্ঞার পূর্বে আমদানীকারকদের কর্তৃত্ব করে চুক্তি সম্পাদন করতে হবে। ওইসময় লোহাই এ সমস্ত চুক্তি সম্পাদিত হবে একা রক্ষাজীবী-সমূহেরা; তা সাক্ষর হবে বাংলাদেশ সরকারি, করতে হবে।

Страница из дневника Фармана Али, помещенная в газете «Дойник Бангла». Рукой генерала написаны имена агентов американской разведки Хейта и Двесника

никам движения за признание бенгали государственным языком Пакистана. После событий 26 марта прошлого года его снесли. Религиозные фанатики, заправлявшие делами культуры в период военной диктатуры, посчитали его опасным. Антигосударственными объявлялись и стихи бенгальских поэтов, воспевавшие наши национальные традиции.

К счастью, сегодня все это в прошлом. Молодежь, студенты приходят сюда с букетами живых цветов. Скоро на месте разрушенного монумента будет воздвигнут новый: правительство Бангладеш объявило конкурс на лучший проект.

Имя женщины, которая беседует с нами, известно любому образованному бенгальцу. Это поэтесса Бегум Суфия Камал.

Разговор касается нынешнего состояния литературы и искусства в республике.

— Каждому писателю надлежит сейчас задуматься над вопросом, чем он может помочь возрождению страны. Идеологи рухнувшего военного режима старались разжигать в народе вражду к Индии, ее культуре. Мы должны разъяснить массам, что нам одинаково дороги поэт-мусульманин Назрул Ислам и Рабиндранат Тагор. Оба они, несмотря на разное вероисповедание, классики бенгальской литературы.

Прощаясь, поэтесса посоветовала нам побывать в Шилайдохо — селении, где находится дом-музей Тагора. Такая возможность представилась во время поездки в Куштия — административный центр на западе страны. От него до Шилайдохо не более 10 километров, но добираться туда пришлось несколько часов — то на лодке, то пешком по тропам, проложенным между рисовыми полями. Наконец, миновав небольшую манговую рощу, мы увидели трехэтажный особняк — родовое имение Тагоров. Именно в этом краю великий писатель близко узнал жизнь бенгальского крестьянина. Знакомство с ней наложило неизгладимый отпечаток на все его творчество. В Шилайдохо были написаны многочисленные рассказы о деревне, создан хрестоматийный цикл стихов «Золотая ладья».

Сотрудники музея сумели сберечь реликвии, связанные с жизнью Тагора. На первом этаже расположена библиотека, которой он пользовался. Гид провел нас наверх, в комнату, где обычно работал поэт, сидя у рас-

пахнутого окна, обращенного к реке Падма.

Лучи клонившегося к закату солнца оставляли багряные следы на ее величаво-спокойной глади. Быть может, в один из таких вечеров и родились знаменитые строки, посвященные Падме:

В исчезающем вечернем свете
Ты была как молчаливая невеста
со смущенно опущенной головой,
И вечерняя звезда смотрела
с любопытством
На твое улыбающееся лицо.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ

Дакка, 30 марта

Над светлым зданием на улице Пурана Палтан, в центре Дакки, развеваются два флага: двухцветный национальный и красный с серпом и молотом. На фасаде алое полотнище с надписью: «Коммунистическая партия Бангладеш». Впервые за годы своего существования компартия Восточной Бенгалии получила возможность действовать легально.

Во внутреннем дворе за домом всегда людно. Он служит одновременно и открытым залом для собраний, и художественной мастерской, в которой рисуют плакаты и транспаранты для манифестаций. Здесь можно встретить крестьянского вожака, приехавшего из отдаленного района, студенческого лидера, профсоюзного активиста и известного поэта. Не все они кадровые члены партии, коммунистическая идеология привлекает сейчас многих, особенно молодежь.

Ранее, находясь в глубоком подполье, партия вынуждена была ограничить численность своих рядов. Она объединяла наиболее преданных и стойких профессиональных революционеров. Коммунисты приняли активное участие в борьбе за освобождение Бангладеш. Их группы оказались хорошо подготовленными к тяжелым условиям партизанской войны, отличались дисциплинированностью и высоким моральным духом.

Компартия вошла в состав Консультативного совета, созданного при правительстве Бангладеш в сентябре

1971 года в качестве совещательного органа. Здесь ее представляет ветеран партии, член ее Центрального комитета Мони Сингх. Высокий, худощавый, живой, энергичный, хотя ему уже перевалило за семьдесят, он стоял у фургона, из которого выгружали стопки листовок, и беседовал со студентами.

Мони Сингх — это живая легенда. Еще в 20-е годы он связал свою судьбу с левыми террористами, активно боровшимися с английскими колонизаторами. За ним постоянно охотились сначала британская разведка, затем пакистанская полиция. Большую часть жизни он находился на нелегальном положении. Последние три года провел за тюремной решеткой. Ворота его каземата раскрыло восстание против военной диктатуры.

В помещении партии — три-четыре скромно обставленные комнатки — мы садимся за стол для посетителей, на котором разложены газеты, брошюры, тома Маркса и Ленина, и слушаем рассказ революционера.

Детство Мони Сингха прошло в восточнобенгальском округе Майменсингх, в деревушке, раскинувшейся у подножия горы Гаро, на берегу речки Сомесвари. Родители его, зажиточные землевладельцы, по убеждению националисты, воспитывали мальчика в духе непримиримости к колониальным властям. Его старший брат хранил в доме оружие. Вскоре местные функционеры обратили внимание и на Мони Сингха. В 16 лет он был уже физически крепким юношей, неплохим спортсменом, и ему предложили вступить в тайное общество «Анушилон», руководители которого видели свою главную задачу в изгнании из страны чужеземцев.

Более десяти лет Мони Сингх состоял в этом обществе. Отдельные удачи чередовались с провалами. Многие члены организации попали в тюрьму. Постепенно у Мони Сингха и некоторых его товарищей появились сомнения в правильности избранных ими методов борьбы.

— «Чего можно добиться, убив нескольких английских офицеров?» — спрашивали мы себя все чаще. Огромное воздействие на нас оказала победа Октябрьской революции в России. Это был успех массового движения, сбросившего режим угнетения. Мы поняли, что нам тоже нужно организовать массовую борьбу. Но с чего начать?

Километрах в двадцати от моей деревни были расположены поселения горцев племени хаджонг. Еще с дет-

ства мне запомнились рассказы о том, что хаджонги восставали против британских наместников и помещиков-заминдаров. «Проводить массовую агитацию нужно прежде всего в племенах», — решил я и с двумя товарищами отправился в горные деревни. Мы говорили хаджонгам о свободе, о революции, они в свою очередь делились с нами своими бедами.

Вместе с единомышленниками из «Анушилон» мы открыли в некоторых деревнях школы, они пользовались у хаджонгов большой популярностью. Первый успех воодушевил нас, и нам казалось, что революция где-то совсем близко.

Как-то из штаба «Анушилон» сообщили, что в наши края прибыл один из лидеров Общества, которого нужно было укрыть от властей. Мы предложили горное селение, где чувствовали себя в безопасности. Так мы встретились с Гопеном Чакраварти, который незадолго перед тем вернулся из Советского Союза и по своим взглядам был уже коммунистом. Он познакомил нас с идеями научного социализма и старался объяснить, в чем превосходство теории марксизма-ленинизма. Почти каждый вечер мы спорили чуть ли не до хрипоты. Но Гопен Чакраварти сумел убедить нас в своей правоте. Я перебрался в Калькутту и вскоре организовал там левый профсоюз. Несколько товарищей, и я среди них, вышли из «Анушилон» и провозгласили себя марксистами. Так началась моя сознательная жизнь коммуниста.

Мони Сингх широко улыбается и пододвигает к себе пачку свежих газет.

— А теперь хватит о прошлом. Поговорим лучше о делах насущных.

Беседа на минуту прерывается. В комнату входит человек средних лет с мягким открытым лицом. Это Абдус Салам, Генеральный секретарь Коммунистической партии Бангладеш. Он охотно соглашается принять участие в разговоре и в общих чертах обрисовать обстановку в стране.

— Перед молодой республикой стоит немало острых проблем: восстановление разрушенного хозяйства, ликвидация безработицы, сохранение общественного порядка, борьба со спекуляцией и контрабандой. Компартия, так же как и сотрудничающая с ней Национальная народная партия (ННП), заявила о своей готовности помогать Народной лиге в решении этих вопросов. Комму-

нисты и ННП поддерживают прогрессивные начинания правительства Муджибура Рахмана, выступают за полное и последовательное претворение в жизнь провозглашенных им демократических преобразований. Одновременно левые силы высказываются за проведение новых выборов, ведь по сравнению с декабрём 1970 года политическая ситуация в стране кардинально изменилась.

В нынешних условиях мы, коммунисты, стремимся создать массовую базу в студенческих, профсоюзных и крестьянских организациях. Я хочу особо подчеркнуть, что наша партия не разрабатывает принципы своей политики изолированно, она является одним из отрядов международного коммунистического движения. Мы верны политическому курсу, принятому на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года. Мы считаем, что КПСС была и остается авангардом мирового коммунистического движения, главной опорой всех революционных и освободительных сил. Коммунисты и народ Бангладеш глубоко благодарны КПСС, великому советскому народу за поддержку, оказанную национально-освободительному движению в Восточной Бенгалии. Мы сделаем все, чтобы дружба и сотрудничество между нашими странами крепили и развивались.

БОРО — СЕЗОН НАДЕЖДЫ

Дакка — Горазал, 1 июня

Сто ворот открыты для въезда в Бенгалию, но нет таких, через которые хотелось бы покинуть ее пределы. Так красивы зелено-золотистые поля, так щедра природа, что суровые завоеватели и мореплаватели, однажды ступив на эту землю, уже не в силах были с ней расстаться, писал Франсуа Бернье, путешественник и врач при дворе Великих Моголов.

Пейзажи Восточной Бенгалии сохраняют очарование и сегодня, хотя еще не успели зарубцеваться раны, нанесенные недавней войной. За окном железнодорожного вагона (мы едем из столицы на север) виднеются бескрайние изумрудные поля риса. На незасеянных участках полуобнаженные смуглые крестьяне, утопая по щиколотку в липкой грязи, идут с плугами за медлительными буйволами.

— Приближается боро, жаркий сезон, когда завершится сбор первого в нынешнем году урожая риса. На

На работу в поле

него мы возлагаем немалые надежды, — говорит наш попутчик Мустафа Карим, служащий столичного банка. Во многих районах продовольствия не хватает, выросли цены на рис и другие продукты питания. Американские и английские газеты поспешили сообщить, что начинается голод, — никак не могут смириться с провалом планов империалистических держав на Индостане. Но благодаря помощи Индии и других дружественных государств, созданию центров по распределению продовольствия голод удалось предотвратить. К такому мнению пришла делегация ООН, побывавшая недавно в Бангла-

деш; его разделяют все, кому довелось поездить по стране.

...Железнодорожные поезда набиты пассажирами, билетными и безбилетными, так плотно, как, пожалуй, у нас в первые годы после гражданской войны. Те, кто не мог устроиться в вагоне, располагаются на крышах. Составы движутся медленно, подолгу задерживаясь перед паромами, которые заменяют взорванные мосты. На остановках вагоны окружает шумная толпа мальчишек, торгующих сушеным картофелем, овощами, зеленью.

— Все надеются, что через месяца два-три цены снизятся и продовольственное положение улучшится, — продолжает Карим. — Конечно, это будет только первый шаг. Чтобы уровень сельского хозяйства достиг довоенного, потребуется, вероятно, не один год.

Разговор неожиданно прервался. Заскрипели тормоза, поезд стал. Оказалось, поврежден путь и ремонтные работы затянутся до полудня. Мы решили воспользоваться непредвиденной задержкой и сходить в ближайшее селение.

Жители деревни Бедграм делились примерно поровну на мусульман и индусов. Когда военщина начала погромы, особенно досталось индусам. Почти у всех них дома сожжены, имущество разграблено. Они ютятся в соломенных шалашах.

Д. Бала, крестьянин лет сорока, в белой рубашке и дхоти, указал на закопченные медные котелки, сложенные горкой у входа в хижину.

— Вот все, что у меня осталось, — сказал он. — Ни плуга, ни буйволов. С чего начинать на пустом месте?

Семья его зарабатывает на жизнь изготовлением «биди» — сигарет из дешевого табака, который заворачивают в листья. Власти каждый месяц выдают пособие — по килограмму риса на человека.

Мусульмане здесь пострадали меньше: их дома в основном не тронуты. Но многим из них пришлось бросить насиженные места, скрываться у родных или в Индии. Сорок человек вступили в партизанские отряды, двенадцать погибло. Беда сблизила членов общин, ранее державшихся обособленно. Индусы теперь принимают участие в деятельности местной ячейки Народной лиги.

У дома главы здешней общины Б. Чоудхури очередь посетителей. Оторвав от бумаг воспаленные глаза, он поднимается из-за стола, чтобы приветствовать нас.

— Так всегда, — сетует он. — Десятки людей ежедневно идут на прием со своими горестями. К сожалению, помочь мы пока можем не всем. Главная задача — дать кров тем, у кого разрушены дома. Впереди пора дождей, а времянки — плохая защита от стихии. Мы выдаем небольшие ссуды вернувшимся беженцам. Правда, редко кто использует эти деньги по назначению. Обычно на них приобретают семена для сева. Это, конечно, нарушение условий займа. Но разве можно винить земледельца в том, что он в первую очередь заботится о будущем урожае?

Сельскую тишину нарушил протяжный паровозный гудок. Пора возвращаться. Колеса снова неторопливо отстукивают свою монотонную песню, приближая нас к станции Горазал, где при участии советских специалистов сооружается тепловая электростанция.

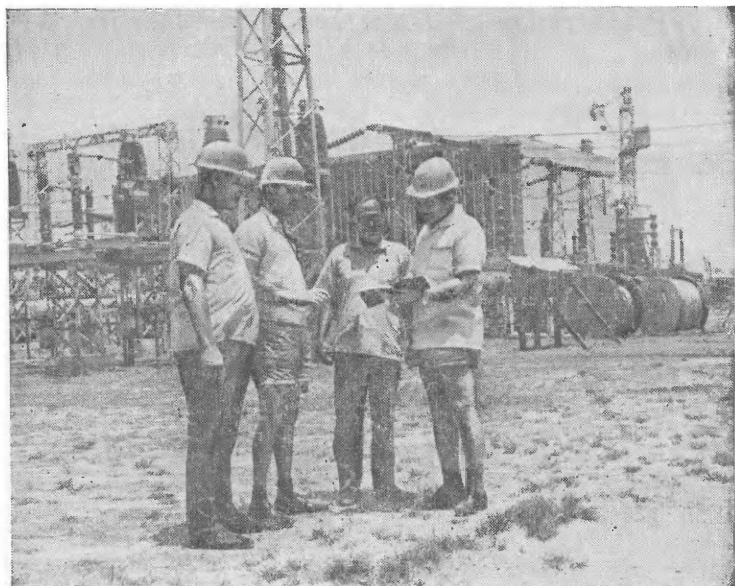
СТРОЙКА ДРУЖБЫ

Горазал, 2 июня

Машина вырывается на шоссе, и взору открывается панорама разворачивающейся стройки. Напротив здания ТЭС, рядом с гигантскими катушками трансформаторов и распределительных устройств, мы увидели двух плотных мужчин в пластмассовых шлемах, рассматривавших чертежи. Руководитель группы советских специалистов Л. Иванов, с которым мы познакомились раньше, представил нам инженера-монтажника И. Демченко и его бенгальского коллегу Абдулу Мотина, прошедшего подготовку в СССР.

Фундамент горазалской электростанции был заложен четыре года назад, и к началу 1971 года большая часть оборудования, изготовленного в Ленинграде, Харькове, Таганроге, была уже смонтирована. Однако с марта 1971 года работы пришлось приостановить. Советские специалисты вернулись домой. Остались лишь Л. Иванов и еще несколько наших инженеров. Остались, чтобы сохранить в целости механизмы и сооружения.

— Во время муссонов техника здесь быстро приходит в негодность, — говорит Л. Иванов. — Поэтому в течение девяти месяцев войны мы занимались консервацией оборудования. Если было нужно, сами садились за бульдозеры, вели земляные работы.

Горазал. Советские и бенгальские инженеры
на строительстве ТЭС

А недалеко от Горазала шли бои между партизанскими отрядами освободительных сил и пакистанскими войсками. Когда партизаны овладели городком, пакистанская авиация начала бомбить его. Поездки в Дакку, где находилось советское консульство, стали опасными. Железнодорожная связь со столицей прервалась, и добраться туда можно было только по реке, на катере. Не однажды Иванов и его товарищи попадали под обстрел. Эвакуировались они только в декабре.

После освобождения страны правительство Бангладеш обратилось к Советскому Союзу с просьбой вновь прислать инженеров. Переговоры по этому поводу, как и по другим вопросам сотрудничества между СССР и молодой республикой, происходили во время визита Муджибура Рахмана в Москву в марте 1972 года. В результате была подписана совместная декларация, выражавшая стремление обеих стран развивать дружественные отношения и сотрудничество в политической, экономической, научно-технической и других областях.

В соответствии с договоренностью Советский Союз оказывает содействие в строительстве радиостанций, завода электрооборудования в Читтагонге, в работах по разведке запасов нефти и газа, в восстановлении железнодорожного транспорта, развитии морского рыболовства и морского флота.

На электростанцию Горазал первая партия наших специалистов прибыла в апреле. Местные рабочие и техники встретили их как старых друзей. И уже на следующий день советские и бенгальские инженеры сели за разработку нового графика строительства.

— С пуском нашей электростанции,—сказал директор строительства г-н А. Хан,—энергетические мощности Бангладеш увеличатся на двадцать процентов. Это позволит создать близ Дакки новый индустриальный комплекс, а в восточной части страны заложить дамбы, установить тысячи насосных станций, подающих воду на поля.

Последняя фраза нас удивила: в этом краю множество озер, рек, каналов. Во время муссонов треть территории страны покрывают паводки. Нужно ли здесь искусственное орошение? Оказывается, совершенно необходимо. В засушливые годы весной и зимой полям не хватает влаги, гибнут посевы.

— План строительства ирригационных сооружений был разработан еще несколько лет назад, но военные власти выделили на эти цели ничтожные средства. По существу, план так и остался на бумаге. Теперь мы хозяева своей земли и примемся за дело всерьез... Верю: придет день, когда земледelec перестанет чувствовать себя пленником стихии,—заклучил директор.

ПУТЬ К ПРИЧАЛУ

Читтагонг, 5 июня

Читтагонг! Это слово, доносящееся из репродуктора, звучит, как удар гонга. «Добро пожаловать в Читтагонг», — повторяет за диктором невысокий смуглый человек, встречающий нас в аэропорту. Его зовут Алам, он представляет Общество дружбы между народами Бангладеш и Советского Союза.

Еще несколько минут назад тень от нашего вертолета

Мечеть в Читтагонге

скользила по зеленеющим квадратам рисовых полей и грязно-бурой поверхности рек, впадающих в Бенгальский залив, а мы, сидя у иллюминаторов, старались сравнить знакомый по описаниям путеводителей и сообщениям прессы главный морской порт и крупнейший промышленный центр страны с тем, что открывалось нашим глазам.

Во время войны Читтагонг был местом тяжелых боев. Особенно пострадала гавань: уничтожены склады, на рейде затонули десятки судов. Из-за этого порт, питающий страну рисом, хлопком, цементом, машинами, до сих пор не может работать на полную мощность.

В самом городе следы разрушений почти незаметны. Многоэтажные каменные дома островками возвышаются над бесчисленным множеством мелких лавчонок и мастерских. Но когда машина въезжает на набережную реки Карнапхули, бросается в глаза поржавевший корпус крупного транспорта, наполовину ушедший под воду, торчащие мачты канонерки.

— Это еще не все, — говорит Алам, — в заливе пакистанские военные корабли установили мины. Удер-

жать город не удалось, но подходы к Читтагонгскому порту теперь считаются опасной зоной. В Лондоне есть солидная страховая фирма «Ллойд», на которую ориентируются другие компании на Западе, занимающиеся страховым бизнесом на море. Так вот, эта фирма объявила, что владельцы транспортов, заходящих в Читтагонг, обязаны ввиду риска повысить страховые взносы на двадцать пять процентов. Теперь вам ясно, почему на рейде так мало иностранных судов?

Хотелось сразу же осмотреть порт, но Алам напоминает о назначенной ранее встрече с членами Национальной рабочей лиги — одного из ведущих профсоюзных объединений республики. По дороге останавливаемся возле дома городского радио, внешне ничем не примечательного приземистого здания, похожего на прочие правительственные учреждения. Но именно отсюда 26 марта 1971 года разнеслась на весь мир весть о провозглашении независимости Бангладеш.

К. Ш. Рахман, секретарь местного комитета Рабочей лиги, рассказывает:

— Утром мы узнали, что пакистанская армия начала военные действия в Дакке. Было ясно, что вскоре она постарается оккупировать и Читтагонг. Что оставалось делать? Безропотно ждать или сражаться? На этот счет разногласий между нами, активистами партии Народная лига, не было. Мы составили текст обращения, призывали население к борьбе за независимость, и руководитель читтагонгского отделения партии Маннан зачитал обращение по радио на бенгальском языке. Вечером его повторил, уже по-английски, командир бенгальской военной части майор Зиа. Что было дальше, вам известно. Через несколько дней, несмотря на сопротивление, город пал. Однако вспыхнувшее в те дни восстание охватило всю страну.

— Какие задачи ваш профсоюз считает первоочередными?

— Главное сегодня — восстановление экономики. Во время войны почти все фабрики прекратили работу. Теперь производство налаживается, но трудности очень велики: не хватает сырья, разрушен транспорт, нет запасных частей к станкам. Почти пятьдесят тысяч рабочих в городе остались без работы. Выросли цены на продукты питания, керосин. Мы помогаем правительству бороться с разрухой, хотя, конечно, такие требования

трудящихся, как установление минимальной заработной платы, не сняты с повестки дня.

Знакомство с промышленностью Читтагонга мы продолжали на джутовой фабрике «Виктори», прежде принадлежавшей крупным бизнесменам Испахани. После национализации джутовых предприятий правительство назначило сюда свою администрацию. Этим, по словам управляющего С. Девана, пока все перемены и ограничились: государство не успело еще разработать трудовое законодательство. Тем не менее новое руководство фабрики при поддержке профсоюза сумело обеспечить ее бесперебойную работу.

В огромных пролетах цехов оглушительно гудели моторы сотен станков, превращавших мягкое шелковистое волокно сырого джута в мешковину и циновки.

— Дело идет неплохо, — объяснил С. Деван. — Три тысячи ткачей сохранили заработки; мы пользуемся доверием банков, финансировавших «Виктори» и раньше.

Беспокоило управляющего то, что в связи с нарушением судоходства задерживается отправка готовой продукции иностранным заказчикам.

Что же делается для восстановления морских путей? Вряд ли кто-нибудь в городе может дать на этот вопрос более исчерпывающий ответ, чем директор правления Читтагонгского порта г-н Кибрия.

— Наша страна, — пояснил он, — не в состоянии решить эту задачу самостоятельно. Потому мы и обратились за помощью к Советскому Союзу. Здесь, в Читтагонге, сейчас находится советская экспедиция, прибывшая для подъема затонувших судов и траления мин.

С руководителем ее контр-адмиралом С. П. Зуенко мы встретились на борту плавучей мастерской — флагмана советских кораблей. Солнце стояло почти в зените, но, несмотря на духоту, молодые ребята в синих матросских робах делали приборку на палубе, проверяли механизмы.

— Климат здесь, безусловно, для нас непривычный, — сказал Зуенко. — Но не в том основная трудность. У наших водолазов два врага: во-первых, ил — река Карнапхули приносит его столько, что под водой приходится действовать на ощупь; во-вторых, сильнейшее течение. Подъемные работы возможны только во время прилива. Учтите также, что некоторые суда «зарылись» в ил на несколько метров.

Лоцман Читтагонгского порта и советские моряки

Первый серьезный экзамен наши моряки держали в конце апреля; тогда еще не все корабли, приданные экспедиции, прибыли в Читтагонг. Нужно было из порта вывести три сохранивших плавучесть обгоревших транспорта, которые загромождали подход к центральным причалам. Зуенко собрал имеющиеся под рукой буксиры. С их помощью суда отводили за пределы гавани. Когда очередь дошла до «Аль-Аббаса», сухогруза водоизмещением 12 тысяч тонн, неожиданно с песчаной косы подул шквальный ветер. Канаты, связывающие сухогруз с буксирами, стали рваться. Советские и бенгальские моряки сутки не уходили со своих мест и в конце концов одолели стихию.

— Служба у матросов нелегкая, однако никто не хнычет, ребята держатся молодцами. В городе, куда они

приезжают на экскурсию или товарищескую футбольную встречу, их всегда принимают как желанных гостей. На улицах вокруг них собираются толпы жителей.

О дружбе между советскими специалистами и их бенгальскими коллегами нам поведал главный лоцман Читтагонга г-н Мехбуб. В заключение он сказал:

— Ваши люди трудятся самоотверженно. Мы учимся у них целеустремленности, выдержке, а они всегда готовы поделиться с нами опытом и знаниями...

Беседу прервал гудок входившего в гавань индийского теплохода. Чайки, кружившие над его мачтами, взмыли вверх и затем устремились вперед, словно подавая капитану сигнал, что путь к центральному причалу свободен.

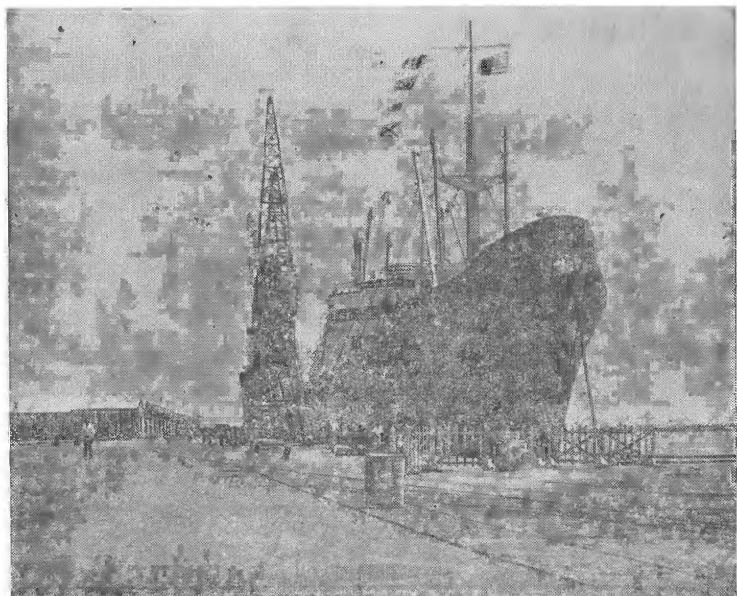
КОГДА ПРИХОДЯТ МУССОНЫ

Гопалгандж, 8 июня

Над Гопалганджем нависли свинцовые облака. Солнце, вчера еще жарившее нещадно, сегодня скрыто за их непроницаемой пеленой. Пасмурно, но все равно душно. Воздух недвижим. Стоит сделать сотню-другую шагов, и рубашка прилипает к телу. Гончары, вращающие глиняные круги, поджарые мускулистые рикши, отдыхающие у велосипедных колясок, невозмутимые духанщики — все то и дело с надеждой посматривают на небо.

Центральная улица изгибается вдоль реки, и мы из двухэтажного дома местного комиссара (администратора) можем следить за косыми парусами грузовых джонок, степенно спускающихся вниз по течению.

Обычно в это время они везут джут. К началу лета на зеленых кустах, покрывающих илистые поля вдоль притоков Ганга, опадают мелкие желтые лепестки цветов и вместо них появляются продолговатые коробочки плодов. По утрам старики отрывают по стручку от куста, растирают их заскорузлыми пальцами, подносят к воспаленным глазам. Наконец самые опытные из них говорят: «Пора!» И вот уже тяжелые прямые ножи рубят сочные стебли. Через несколько недель высушенные вязанки светлого шелковистого волокна грузят в трюмы пароходиков, парусников, на лодки и переправляют на фабрики Дакки, Читтагонга, Кхулны.

Читтагонгский порт возобновил работу

Так было всегда, но в это первое после освобождения лето нормальный ритм сельских работ еще не восстановлен. И речники сейчас везут из Гопалганджа не столько джут, сколько рис, строительные материалы, медикаменты — то, в чем больше всего нуждается разоренная деревня. А в центр округа грузы доставляются по воздуху. На четверке наших «МИ-8», переданных в безвозмездное пользование правительству Бангладеш, летают советские вертолетчики. Каждое утро одна из этих машин совершает посадку на широкой лужайке перед домом комиссара Гопалганджа.

Однажды жители городка, собравшиеся, как обычно, на площадке, чтобы поприветствовать летчиков, увидели, что по лесенке вертолета спускаются пять незнакомых людей с медицинскими сумками. Это были преподаватель I Московского медицинского института Владимир Орлов и его коллеги, направленные в Бангладеш Советским Красным Крестом.

Времени на то, чтобы осмотреться и получше позна-

На берегу реки

комиться с обстановкой в районе, где предстояло работать, у наших врачей не было. В округе Гопалгандж вспыхнула эпидемия черной оспы, и им пришлось сразу же включиться в борьбу с этой опаснейшей болезнью.

Деревни здесь невелики — несколько прилепившихся друг к другу глинобитных хижин. Впрочем, иногда и хижин нет, только ярко-желтые палатки вернувшихся из Индии беженцев. Советские медики добирались до таких хуторов на лодке или моторном катере. Где-нибудь под пальмой стелили брезент, раскладывали инструменты — передвижной медпункт.

— Крестьяне реагировали на наше появление по-разному, — вспоминает Орлов. — Иногда сразу выстраивались в очередь, иногда же, завидев шприцы, разбежались. Приходилось убеждать, доказывать, что вакцинация необходима. Один-два соглашались, а их примеру следовали остальные. Провожали нас всей деревней, в благодарность протягивали кокосы, бананы. Живут крестьяне трудно, но мы не решались отказываться от подарков, ведь их делали от чистого сердца.

Вернешься вечером, объехав несколько деревень, и мечтаешь об одном: скорее бы в постель. Но отдохнуть и ночью не удавалось! Духота! Лежишь под противо-

москитной сеткой и истекаешь потом. Без снотворного не уснешь.

Пятеро советских специалистов работали в Гопалгандже больше двух недель, и вспышка оспы была потушена. Вряд ли они смогли бы добиться успеха без помощи десятков добровольцев. Под наблюдением наших врачей бенгальцы быстро освоили технику вакцинации. Особенно большую пользу приносили старшекласники.

Гопалгандж — городок небольшой, но в Бангладеш его знают многие: в здешней школе в 30-х — начале 40-х годов учился Муджибур Рахман. Биографы Шейха отмечают, что именно тогда он приобрел навыки политической борьбы: был арестован британскими властями. Традиции, сложившиеся в период антиколониальных движений, не забыты и сейчас. Молодежь Гопалганджа принимает активное участие в общественной жизни, в деятельности политических партий.

...В чисто побеленной комнате маленькой гостиницы собрались студенты, профсоюзные лидеры, члены Народной лиги и Национальной народной партии. Крепкие, энергичные ребята, еще не достигшие 25-летнего возраста. Все они в недалеком прошлом познали горечь изгнания, испытали тяготы и опасности партизанской жизни. В разговоре то и дело возвращаются к недавним событиям, но более всего их, естественно, волнуют проблемы, которые приходится решать сегодня.

Пожалуй, самая неотложная из них — восстановление деревень, ирригационной системы. Район Гопалганджа сильно пострадал во время военных действий и очень нуждается в помощи государства и специализированных организаций ООН.

Ахмед Шер Али, руководитель местного отделения Национальной народной партии, считает, что распределение субсидий среди крестьян нельзя поручать исключительно чиновникам государственного аппарата: это может привести к злоупотреблениям. По его мнению, контроль должен осуществлять комитет из представителей ведущих политических партий — Народной лиги, Национальной народной, Коммунистической — и общественных организаций. Присутствующие разделяют точку зрения Али.

Однако, когда речь зашла о будущем, о путях преобразования бенгальского сельского хозяйства, между собеседниками разгорелся спор.

— Что нужно сделать, чтобы облегчить жизнь безземельному батраку или арендатору-издольщику, поливающему своим потом чужое поле? — спрашивал Д. Хуссейн, руководитель отделения студенческого союза в Гопалгандже. — Прежде всего резко сократить максимальный размер частного землевладения. Правительство объявило, что он составит тринадцать гектаров. Я считаю, что государство проявляет чрезмерную щедрость к помещикам. Кроме того, арендная плата не должна превышать трети урожая; нужно также запретить помещикам сгонять арендаторов с земли.

Невысокий мужчина в белой рубаше, назвавшийся сторонником Народной лиги, возразил Хуссейну. С крупным землевладением в Бангладеш покончено еще в начале 50-х годов, доказывал он. Сейчас необходимо думать не о переделе земли, а о том, как помочь зажиточному фермеру окрепнуть. Только он в состоянии вести хозяйство современными методами.

Подобная точка зрения нам уже знакома. Ее в беседах с нами высказывали некоторые активисты Народной лиги. Эта, самая массовая в стране, политическая партия в деревне опирается на различные слои крестьян — середняков, кулаков, безземельных сельскохозяйственных рабочих. Но ее руководящее ядро на местах, как правило, принадлежит к зажиточной сельской верхушке. Неудивительно, что многие местные лидеры без энтузиазма воспринимают заявления Муджибура Рахмана о намерении правительства провести реформы в интересах трудящихся крестьян.

Между тем потребность в аграрных преобразованиях давно назрела, и малоземельные крестьяне, батраки надеются, что государство примет конкретные меры для облегчения их участи. В этом мы убедились во время поездок по сельским районам Бангладеш весной и летом 1972 года.

...Деревня Чонпара укрылась в тени манговой рощи на берегу реки. Пока лодочник переправлял нас, мы с любопытством следили за тем, как пять здоровых парней в одних набедренных повязках тянули сети. Наконец лодка ткнулась носом в песок, и, поднявшись по крутому склону, мы очутились среди деревянных домов и хижин. Рядом стояли громадные каменные кувшины, метра полтора высотой, в которых хранится специальный маринад для рыбы.

Уборка урожая

Дело шло к вечеру, но большинство мужчин еще не вернулись с поля. Женщины в выцветших сари колдовали у очагов, устроенных прямо в земле. Тут же сновали босоногие ребятишки. Все дышало покоем. И действительно, война обошла это селение. Дома целы, земледельческие работы не прерывались.

Однако разговор с крестьянами открыл нам мир нужды и тяжких забот. Абдус Саттар, бородатый мужчина лет сорока, в тряпье, которое едва прикрывало тело, колот дрова. У него нет участка, перебивается случайными заработками, а на руках шестеро детей. Он слышал, что новое правительство обещало помочь батракам:

— Главная моя мечта — всегда иметь работу и хотя бы клочок земли, чтобы поставить на нем хижину. Надоело скитаться по чужим углам.

Сколько же безземельных семей в деревне, насчитывающей 500 дворов? Оказывается, более половины. Правда, многим жителям удалось устроиться сезонными рабочими на джутовой фабрике в городе, кое-кто рыбачит. Но и их семьи с трудом сводят концы с концами. Все надеются, что правительство осушит заболоченные земли и распределит их среди крестьян.

Есть здесь и зажиточное хозяйство. Его владелец, подрядчик, занимающийся строительством особняков в Дакке, в деревне не живет. Свою землю — что-то около 7 гектаров — сдает в аренду.

Мы рассказали нашим знакомым в Гопалгандже об этом селении, расположенном километрах в двадцати от столицы. Нас внимательно выслушали и согласились, что увиденное нами типично и для других районов. Точных статистических сведений, касающихся распределения земли в стране, нет. Но, по оценкам экономистов, свыше пятой части сельского населения вообще не имеет наделов.

— Период восстановления кончится, и тогда вопрос о земельной реформе станет, пожалуй, самым острым, — сказал Д. Хуссейн, к которому, как нам показалось, отнеслись уважительно и единомышленники и оппоненты.

Стены отеля неожиданно дрогнули — где-то совсем рядом гроыхнуло. Из окна потянуло свежестью, прохладой. Мы вышли на улицу.

Хуссейн подставил ладонь первым тяжелым каплям, словно бы нехотя падавшим на землю, и задумчиво посмотрел на небо.

— Теперь зарядит надолго, — сказал он. — Муссон нынче обещает быть сильным.

В ДЖУТОВОЙ СТОЛИЦЕ

Дакка, 10 июня

Километрах в пятнадцати к юго-востоку от Дакки вместо привычной бенгальской панорамы — затопленные рисовые поля, зелено-бурые островки посевов джута, тростниковые хижины — нам неожиданно открылся индустриальный пейзаж. Вдоль дороги выстроились потемневшие от копоти заводские корпуса. В небо уперлись высокие трубы. Некоторые строения взорваны, стены других повреждены во время артиллерийского обстрела.

Это промышленные спутники столицы — Демра и Нараянгандж. Здесь разместились крупнейшие в мире джутовые фабрики, продукция которых составляла основную статью экспорта Пакистана и обеспечивала ему получение иностранной валюты. После освобождения

многие из них оказались закрытыми. Причины разные. Почти половина джутовых предприятий в Восточной Бенгалии принадлежала промышленным магнатам из западной провинции. Хозяева и управляющие этих предприятий бежали, захватив техническую документацию и ценности, которые смогли увезти. Фабрики, принадлежавшие бенгальцам, разрушала пакистанская армия. Здесь не оставалось ни складов сырья, ни запасных частей.

О том, как восстанавливается промышленное производство в республике, рассказывает генеральный секретарь Профсоюзного центра, крупного объединения левых профсоюзов страны, Сайфуддин Маник, среднего роста, худощавый человек, с быстрыми, энергичными движениями. Он сопровождает нас в поездке по фабричному району. Сайфуддин Маник популярен среди рабочих. В Демре его, по-видимому, знают все. К нему то и дело подходят люди, чтобы переброситься несколькими словами, пожать руку.

Заметив нас еще издали, сторож распахивает калитку проходной. Мы входим на территорию фабрики, владельцами которой были пакистанские монополисты Бавани. Во время недавних событий пакистанские войска использовали ее в качестве опорного пункта. Основные цехи сильно пострадали от обстрела. Сразу после освобождения рабочие вернулись на предприятие и, не дожидаясь приезда представителей новой власти, взялись за его восстановление. Работой в течение двух недель руководил местный профсоюз, возглавляемый коммунистами и членами Национальной народной партии.

Первым вступил в строй ремонтный цех — гордость фабрики. Его начальником назначен бывший токарь Джаффар Али. Этот немолодой уже человек в синей спецовке сам показывает первые детали, сделанные в цехе.

— Еще полгода назад мы занимались другим, — говорит он, протягивая самодельную гранату. — Такие игрушки ремонтники тайком изготавливали в мастерской, в двух шагах от пакистанских охранников. Делали и обрезы для партизан.

Идем по цехам. Почти все они уже работают. Фабрика выпускает 40 тонн джутовой продукции ежедневно. На готовых рулонах полотна вихрастый парень ставит новое клеймо: «Сделано в Бангладеш».

На джутовой фабрике

Узнав о приезде советских журналистов, рабочие окружают нас, просят задержаться для беседы. Импровизированный митинг устраивают рядом с проходной, где под широким навесом поставлены стол и две скамьи. Приносят традиционный чай.

Нас засыпают вопросами: правда ли, что в СССР рабочие заседают в парламенте? Какая у них заработная плата? Сколько выходных?

Мы в свою очередь тоже задаем вопрос: как представляют себе рабочие будущее республики?

Рядом с нами стоит высокий молодой человек лет двадцати пяти. Это бывший партизан. Зовут его Мохаммед Исмаил. Он заявляет:

— Мы должны национализировать все фабрики и заводы, как это сделали у вас в России.

Собравшиеся встречают его слова возгласами одобрения.

Кое-что из того, о чем мечтают рабочие Бангладеш, уже осуществлено на практике. В руки государства перешла вся джутовая промышленность, национализированы банки и страховые компании, принадлежавшие крупному капиталу, текстильные и сахарные фабрики.

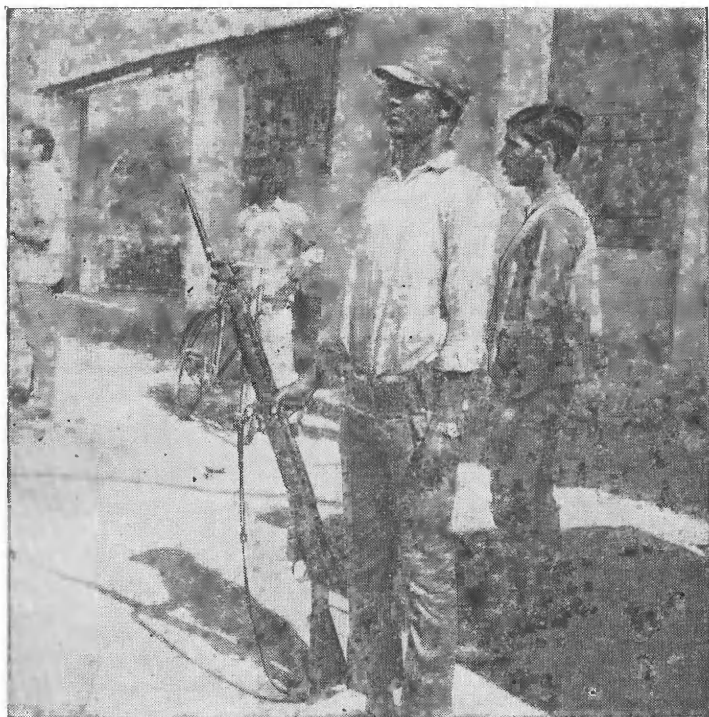
Теперь важно наладить работу предприятий, улучшить положение рабочих. Об этом говорим с Сайфуддином Маником и его товарищами уже в штаб-квартире Профсоюзного центра, разместившейся на втором этаже просторного каменного здания.

Попутно нам объясняют, что в стране имеется два основных профсоюзных объединения: Рабочая лига, которая находится под контролем правящей партии, и Профсоюзный центр. Он выступает за единство действий рабочего класса, за восстановление экономики, против происков реакции.

Усилия профсоюзов направлены на преодоление разрухи, ведь без работы остались десятки тысяч трудящихся. Новым администраторам, назначаемым министерством промышленности, подчас не хватает опыта, знаний. По мнению профсоюзных лидеров, успех национализации будет во многом зависеть от широкого участия представителей рабочих в руководстве предприятиями. Полезность такого начинания убедительно демонстрирует пример бывшей фабрики Бавани. И это отнюдь не исключение. На ряде предприятий, брошенных владельцами, управление рабочие взяли в свои руки.

Еще один характерный пример. После капитуляции пакистанской армии на территорию спичечной фабрики Уджала (тоже недалеко от Дакки) вошел партизанский отряд, сформированный из ее бывших рабочих. Командир отряда, профсоюзный вожак Манзурул Ахсан, стал фактическим директором фабрики.

Ахсан рассказал нам о трудностях, с которыми пришлось столкнуться рабочим, решившим наладить производство. Почти весь административный и технический персонал покинул предприятие. Не было ни управляющего, ни кассира, ни инженера-электрика, ни химика. Вдобавок бывшие акционеры фабрики сделали попытку прибрать ее к рукам, организовав бойкот: уговаривали торговых посредников не покупать продукцию фабрики, не снабжать ее сырьем.

Рабочие охраняют государственное предприятие

Работники, назначенные профсоюзом, вынуждены были учиться вести бухгалтерию и торговать. В банке, который кредитовал фабрику, сперва с большим недоверием отнеслись к инициативе рабочих Уджала. Но когда через месяц после пуска фабрики Манзурул Ахсан принес туда первые сто тысяч рупий прибыли, отношение изменилось.

Мы сидим с Ахсаном в кабинете управляющего. Еще совсем юный руководитель профсоюза с гордостью показывает финансовые ведомости.

— Бывшие владельцы, — говорит он, — занимались «двойной бухгалтерией». В конторе мы нашли две бухгалтерские книги: одну настоящую, а другую для государственного фининспектора. Теперь же все вырученные деньги идут государству.

Новое руководство позаботилось и об улучшении условий труда рабочих. Их заработная плата увеличена на 8 процентов. При фабрике создана школа для обучения трудящихся грамоте.

Сейчас правительство назначило директоров на все национализированные предприятия. Одновременно принято решение, согласно которому представители от рабочих должны входить в состав управляющих советов. Правда, далеко не везде это решение проводится в жизнь: многие прогрессивные начинания встречают сопротивление правых сил и в центре, и на местах.

Руководители правительства и лидеры Народной лиги не раз заявляли, что они выступают за перестройку экономики на основе социалистических принципов. Такой курс, разумеется, не получил поддержки восточно-бенгальской буржуазии, рассчитывавшей после изгнания пакистанских монополий занять доминирующее положение.

Недовольна и часть служащих административного аппарата, потерявших высокие оклады и привилегии, которыми они пользовались при прежнем режиме. Ряд чиновников в Дакке раньше сдавали в аренду принадлежавшие им особняки, а сами жили в дешевых государственных квартирах. Правительство республики запретило владельцам домов занимать государственные квартиры, сократило жалованье высшим чиновникам.

Борьба за выбор пути развития идет и внутри правящей партии, чрезвычайно пестрой по составу. Она объединяет представителей самых разных слоев населения. Идеологические позиции входящих в нее группировок тоже различны. В беседе с журналистами один из лидеров Народной лиги, К. М. Ахмед, сказал, что взгляды ее членов на методы решения актуальных социально-экономических проблем отнюдь не одинаковы.

Правда, противники преобразований не решаются пока действовать открыто. Их главная опора — правые религиозно-общинные партии дискредитировали себя сотрудничеством с пакистанским военным режимом и объявлены вне закона.

С крайне правыми нередко смыкаются левоэкстремистские пропекинские элементы, пытающиеся расколоть общедемократический фронт борьбы за восстановление и реконструкцию страны. Однако, по общему мнению, у них нет массовой базы.

Раздача продуктов беженцам, вернувшимся в Бангладеш

Реакция старается использовать в своих корыстных целях недовольство населения ростом спекуляции, перебоями в снабжении городов и сел предметами первой необходимости.

Об этом прямо заявил Шейх Муджибур Рахман, выступая на массовом митинге в университете Дакки. Он призвал народ не терять бдительности и разоблачать заговорщиков, связанных с империалистическими кругами. При содействии дружественных государств республика приняла меры к укреплению независимости. На базе отрядов освободительных сил созданы регулярные части национальной армии. Ликвидированы полувоенные формирования, служившие военному режиму.

Однако обстановка в стране по-прежнему довольно сложная. У многих на руках имеется оружие: далеко не все возвратили его властям, несмотря на неоднократные требования правительства. Оружие хранят сторонники

реакционных организаций, а иногда и просто уголовные элементы. Почти каждый день в газетах появляются сообщения о политических убийствах и вооруженных ограблениях.

В борьбе против реакции правящую партию и правительство поддерживают Национальная народная и Коммунистическая партии Бангладеш. Кое-где на местах создаются объединенные комитеты из представителей трех партий — показатель роста влияния левых сил.

Единство действий всех подлинных патриотов страны может стать важным фактором упрочения национальной независимости и улучшения жизни народа.

* * *

Нью-Дели, 7 июля

Июнь — самый жаркий месяц на Индостане. В воздухе висит туманное пыльное марево. Потрескавшаяся от сухости земля жаждет влаги. Улицы Нового Дели в полдень почти вымирают. Все живое прячется в тень.

Поездка из душного Дели в горный индийский городок Симла, где состоялась встреча премьер-министра Индии Индиры Ганди и президента Пакистана Зульфикара Али Бхутто, была для многочисленных корреспондентов, аккредитованных в столице, подобна живительной инъекции. Эта встреча принесла с собой долгожданную разрядку и в накаленную политическую атмосферу Индостана.

Отказ от применения силы, решимость урегулировать разногласия мирными средствами стали важнейшим итогом переговоров руководителей Индии и Пакистана. Но значение переговоров определяется не только тем, что налаживались нормальные отношения между этими двумя государствами. Достигнутое здесь соглашение открывает путь к смягчению напряженности во всей Южной Азии и помогает началу диалога между Бангладеш и Пакистаном.

В Симле не было представителей Бангладеш, но их незримое присутствие, наверно, ощущалось всеми. Так тесно сплелись судьбы народов трех государств субконтинента, что подлинная нормализация отношений между ними невозможна без участия трех сторон.

Вспоминается беседа с известным бенгальским писателем, вице-президентом Общества афро-азиатской солидарности Бангладеш Абул Фазлом. Мы сидели у него в кабинете, сплошь заставленном стеллажами с книгами. Небольшого роста, с седой бородой, в белоснежной рубашке навыпуск и саронге, похожий на древнего патриарха, Абул Фазл говорил:

— Земля Индостана устала от войны. На ней пролито слишком много крови. Народам нужен подлинный мир, чтобы покончить с отсталостью, нищетой, неравенством. В разжигании вражды заинтересованы лишь империалисты да их местные подручные — ультраправые фанатики. Но народ сумеет их обуздать. Я верю, что мир восторжествует на нашей многострадальной земле.

ПО ПУТИ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Дакка, 1 сентября

На здании «Икбал холла», общежитии Даккского университета, вывешен огромный транспарант: «Позор политике Пекина!» Тут же на зеленой лужайке студенты, собравшись после занятий, обсуждают сообщение, полученное из Нью-Йорка: Китай использовал право вето, чтобы не допустить приема Народной Республики Бангладеш в Организацию Объединенных Наций. Чувства, владеющие всеми, — горечь и возмущение.

— Пекинские лидеры выступили против национально-освободительного движения нашего народа, — говорит студент юридического факультета Селим. — Но им не удастся заставить нас сойти с пути независимости и прогресса. На стороне Бангладеш силы мира и социализма.

Стихийные митинги протеста против позиции руководства КНР проходят в Дакке и других крупных городах Бангладеш. Свое осуждение выражают различные политические и общественные организации республики.

— Кажется просто невероятным, — удивлялся редактор газеты «Шангбад» Ахмадул Кабир, — что страна, сама испытавшая дискриминацию, страна, которую из-за

интриг США в течение двадцати двух лет не допускали в ООН, теперь применяет такую же тактику по отношению к молодому азиатскому государству.

Показательно, что какое-то время китайская делегация вела закулисную игру, стремясь затянуть до бесконечности обсуждение вопроса о приеме Бангладеш. Представители Пекина, видимо, хотели избежать открытого голосования. Но получилось иначе. Предложение было поставлено на голосование в Совете Безопасности 25 августа. Кандидатуру Бангладеш выдвинули СССР, Индия, Югославия. Ее поддержали многие страны, а делегат КНР наложил вето и оказался в полной изоляции.

Позиция Китая не могла не вызвать удивления в Азии. Пекинское руководство неизменно подчеркивало свою «особую миссию» в «третьем мире», свою роль защитника развивающихся стран. И вдруг вето, направленное против жизненных интересов соседнего азиатского государства, которое остро нуждается в содействии. Ведь вхождение Бангладеш в самую представительную международную организацию значительно облегчило бы ей получение экономической помощи по каналам ООН.

Пытаясь хоть как-то оправдать свою линию, китайский делегат обрушился с бездоказательными нападениями на Советский Союз и Индию. Он заявил, в частности, будто индийские войска все еще находятся на территории молодой республики и потому, дескать, ее нельзя считать суверенным государством. Подобные измышления поразили даже буржуазную прессу. Всему миру известно, что индийская армия, включая ее инженерные части, восстанавливавшие коммуникации, покинула пределы Бангладеш в марте 1972 года — на две недели раньше срока, предусмотренного соглашением, которое подписали правительства двух государств.

Позицию Китая, конечно, нельзя назвать случайной. Пекинское руководство с самого начала выступало против освободительной борьбы бенгальцев. Оно не только оправдывало карательные операции военной хунты, но и помогало ей оружием. И тем не менее после завоевания независимости правительство Бангладеш, стремясь к нормализации обстановки, выразило готовность установить с КНР добрососедские отношения. Об этом сказал на своей первой пресс-конференции в Дакке Шейх Муджибур Рахман. Его призыв остался без внимания.

Новое государство с 75-миллионным населением заинтересовано в дружеских отношениях со всеми народами. Основные принципы его внешней политики изложил в беседе с нами министр иностранных дел Бангладеш Абдус Самад. Мы встретились с ним в просторном, по-деловому обставленном кабинете в здании министерства. Он сидел за большим письменным столом, по обеим сторонам которого возвышались стопки объемистых папок. Дел у министра было, видно, достаточно, однако он не заставил нас ждать.

— Внешняя политика Бангладеш, — сказал Абдус Самад, — базируется на принципах мира, уважения суверенитета других стран, неприсоединения и позитивного нейтралитета. Мы считаем, что наша республика не должна быть связана военными пактами. У нас имеется печальный опыт прошлого: Пакистан входил в СЕАТО и СЕНТО, что причинило нам большой вред. Сейчас мы не считаем себя членами этих организаций. Мы хотим наладить дружеские контакты со всеми государствами.

Однако, хотя мы выступаем за нейтралитет, мы не можем оставаться безразличными к злу и несправедливости. Наша страна будет бороться против империализма, колониализма и расовой дискриминации. Лишь когда с этим будет полностью покончено, на земле установится прочный мир.

Бангладеш высоко ценит миролюбивую политику Советского Союза, который ратует за обеспечение международной безопасности и оказывает помощь народам, борющимся за национальный суверенитет и социальную справедливость. Это хорошо понял на своем опыте и почувствовал наш народ. Разговор заходит о недавнем визите Шейха Муджибура Рахмана в СССР.

— Я был вместе с премьер-министром в вашей замечательной стране, — говорит Абдус Самад. — Встречи с Л. И. Брежневым и другими советскими руководителями оказались очень полезными. Они помогли нам на многое взглянуть по-новому. И конечно, переговоры послужат расширению и укреплению сотрудничества между нашими странами.

Визит Шейха Муджибура Рахмана в Советский Союз получил большой резонанс во всем мире. Подписанная в Москве совместная декларация продемонстрировала близость позиций обоих государств по важнейшим международным проблемам, таким, как достижение спра-

ведливого мира в Индокитае и на Ближнем Востоке, созыв общеевропейского совещания, прекращение гонки вооружений, ликвидация остатков колониализма. Большое внимание уделено в декларации положению на Индостанском субконтиненте. СССР и Бангладеш призвали миролюбивые страны проявлять бдительность и давать решительный отпор любым попыткам вмешательства извне, не позволять вносить новые осложнения в отношения между государствами Индостана. Советский Союз и Бангладеш договорились проводить политические консультации между двумя правительствами.

Демократическая пресса, комментируя итоги визита Муджибура Рахмана, подчеркивала, что Народная Республика Бангладеш прочно заняла свое место среди стран, преданных делу мира и международной безопасности, ведущих борьбу против сил реакции и войны. Уже сто государств установили с Бангладеш дипломатические отношения. Развиваются ее экономические, торговые и культурные связи с социалистическими странами. Она принята в ЮНЕСКО, МОТ и другие международные организации и получила право направлять своих делегатов в качестве наблюдателей на сессию ООН.

Представители республики участвуют в работе демократических международных организаций — Ассоциации афро-азиатской солидарности, Всемирного Совета Мира. Это свидетельствует о широком признании миролюбивой внешней политики нового государства.

Активно выступает Бангладеш за оздоровление обстановки на Индостанском субконтиненте. Она укрепляет дружеские контакты с Индией, оказывающей ей большую помощь в восстановлении экономики. Империалистическая агентура немало постаралась, чтобы посеять в народе молодой республики недоверие к Индии. Реакционные круги пытались сыграть на раздувании мусульмано-индусских противоречий. Но правительство, опираясь на поддержку прогрессивных и демократических сил, дало решительный отпор подрывным действиям.

Важным шагом на пути упрочения добрососедских отношений между Индией и Бангладеш стало подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и мире сроком на 25 лет. Он скрепил уже установившиеся отношения и открыл перспективы для дальнейшего сотрудничества двух государств. Договор не направлен против третьей стороны, но он предусматривает взаимные консультации для

принятия оборонительных мер, в случае если одному из участников будет угрожать военная опасность.

Прообразом нового соглашения явился Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, заключенный между СССР и Индией. Сам этот факт глубоко символичен. Советский Союз сделал многое для укрепления национального суверенитета государств Индостана. Как сказал в своей речи на XV съезде советских профсоюзов Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, СССР последовательно выступает за развитие отношений прочного мира и добрососедства между Индией, Пакистаном и Бангладеш.

Договор между Индией и Бангладеш может стать существенным этапом на этом пути. «Он служит гарантией мира на континенте... — писала „Таймс оф Индия“. — Мир будет еще более прочным, если Пакистан заключит аналогичные соглашения как с Индией, так и с Бангладеш».

Молодая республика готова нормализовать свои отношения с Пакистаном, хотя в результате военного конфликта все связи между этими странами оказались прерванными. Премьер-министр Бангладеш и президент Пакистана сделали заявления о том, что они в принципе согласны встретиться и обсудить спорные проблемы, чтобы устранить враждебность и напряженность. Но Шейх Муджибур Рахман подчеркнул, что такой встрече должно предшествовать дипломатическое признание Пакистаном суверенной Республики Бангладеш.

Разумеется, недоверие еще не изжито, однако признаки смягчения напряженности уже отчетливо видны. Зульфикар Али Бхутто отметил в нескольких своих выступлениях, что образование Бангладеш — это политическая реальность и признание республики — лишь вопрос времени.

Падение военной диктатуры в Пакистане создало благоприятную обстановку для обеспечения мира и безопасности на Южноазиатском субконтиненте. Страны этого района сближает стремление обеспечить условия для экономического развития и повышения благосостояния народов. Соглашение, которое достигнуто в Симле и которое приветствовали руководители всех трех государств — Индии, Пакистана и Бангладеш, свидетельствует, что при наличии желания и доброй воли мир и сотрудничество могут восторжествовать на Индостане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждый, кто въезжает в Дакку со стороны международного аэропорта, невольно обращает внимание на высокое здание в стиле модерн, возвышающееся над двухэтажными особняками городского предместья. Его начали строить в 60-х годах по указанию бывшего президента Пакистана Айюб-хана. Здесь предполагалось время от времени проводить сессии парламента. Айюб-хан надеялся, что эта символическая уступка национальным чувствам бенгальцев остановит их борьбу за равноправие.

Как известно, движение против режима диктатуры не прекратилось. Недостроенное здание и примыкавшие к нему корпуса пустовали. А после событий марта 1971 года там расположилась пакистанская военная администрация.

С освобождением страны оно перешло к своему законному хозяину — народу Бангладеш. 10 апреля 1972 года там собрались депутаты учредительной ассамблеи, чтобы обсудить первую конституцию молодого государства.

Учредительная ассамблея была сформирована примерно из 400 членов национальной и провинциальных ассамблей, избранных в 1970 году. Кроме одного независимого и представителя Национальной народной партии, все они принадлежали к Народной лиге. Для подготовки проекта конституции была выделена комиссия, которая через четыре месяца представила свой доклад. 4 ноября после подробного обсуждения на заседаниях ассамблеи проект конституции был единодушно одобрен депутатами.

Главными принципами ее провозглашены национализм, социализм, демократия, секуляризм (отделение религии от государства). В преамбуле отмечается, что

Бангладеш избирает путь планового социалистического развития национальной экономики в целях построения справедливого общества, свободного от эксплуатации человека человеком. Всем гражданам гарантируются равные права независимо от вероисповедания, расовой или кастовой принадлежности, пола, происхождения. Предусматриваются три формы собственности: государственная, включающая национализированные ключевые секторы экономики, кооперативная и частная, ограниченная законом.

В конституции указывается, что внешняя политика Бангладеш строится на основах равенства, уважения национального суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств, мирного урегулирования международных споров и проблем, соблюдения международного права и Устава ООН.

Высшим законодательным органом страны является однопалатный парламент, состоящий из 300 депутатов. Он избирает главу государства — президента, действующего в соответствии с рекомендациями премьер-министра. Исполнительная власть сосредоточена в руках премьер-министра, который представляет партию, обладающую большинством мест в парламенте.

В целом первая конституция получила поддержку левых кругов, отмечавших ее прогрессивный, демократический характер. Вместе с тем руководители Коммунистической партии и Национальной народной партии указывали, что в ней недостаточно конкретно определены обязанности государства, касающиеся обеспечения граждан работой, питанием, жильем, медицинской помощью и т. д.

Принятие конституции, закрепившей в законодательном порядке итоги национально-освободительной борьбы народа Бангладеш, завершило важный этап становления молодого государства. Однако осуществление провозглашенных ею преобразований, имеющих целью улучшение жизни трудовых слоев и их социальное освобождение, во многом будет зависеть от успехов страны в восстановлении и подъеме экономики. Именно в данной сфере разворачивается основная борьба между силами прогресса и реакции.

Каковы же перспективы экономического развития? Об этом нам подробно рассказал министр планирования и финансов Таджуддин Ахмед:

— В первые месяцы после освобождения все наши усилия были направлены на то, чтобы восстановить законность и порядок, вновь пустить фабрики, наладить работу транспорта, спасти миллионы людей от голода. Можно сказать, что с этой задачей мы справились, и теперь стало немного легче.

Мы стремимся поставить на службу народу все ресурсы страны, обеспечить подъем хозяйства собственными силами, но пока не в состоянии обойтись без иностранной экономической помощи. Конечно, в первую очередь мы опираемся на те государства, которые поддержали нас в час грозной опасности. В то же время кредиты нам предложили США, Канада, Япония, Англия, ФРГ и другие западноевропейские государства, а также международные организации. Эту помощь, если она не связана с какими-либо политическими условиями, мы готовы принять.

Наша конечная цель известна — создание общества социальной справедливости. Естественно поэтому, что особую ценность для нас представляет опыт социалистического строительства в Советском Союзе. Мы намерены укреплять сотрудничество и дружбу с вашей страной.

Большинство крупных предприятий до освобождения принадлежали западнопакистанским монополиям. После национализации более семидесяти процентов промышленных объектов перешло в руки государства. Однако индустриальная база страны и раньше была очень узкой, а сейчас в связи с разрухой производство упало. Наблюдаются перебои с доставкой сырья; оборудование, поврежденное во время войны, не восстановлено. Но главная трудность — нехватка административных кадров. Многие менеджеры и технические специалисты бежали в Пакистан вместе с бывшими владельцами фабрик. На смену им пришел новый персонал, но ему подчас не хватает умения. К тому же есть случаи прямого саботажа со стороны приверженцев рухнувшего режима и капиталистических элементов, недовольных национализацией. Тем не менее правительство Бангладеш не намерено сворачивать с избранного пути.

Усиление роли государственного сектора в результате национализации крупных предприятий промышленности потребовало внесения соответствующих изменений в системы управления. Взамен бывшей государственной

корпорации промышленного развития создаются отраслевые корпорации. По нашему мнению, это должно улучшить руководство промышленностью.

Сельское хозяйство — предмет особой заботы. Перед нами стоит задача обеспечить страну достаточным количеством продовольствия, довести урожай риса хотя бы до довоенного уровня. В дальнейшем особую остроту приобретет проблема аграрных преобразований. По ряду исторических причин у нас нет крупного землевладения. Еще закон 1951 года установил максимальный размер земельных наделов — 33 акра (13,4 гектара). Правда, впоследствии правительство Айюб-хана повысило его до 125 акров, но после освобождения страны вновь была принята та же величина — 33 акра на семью.

Однако главное — не только дать крестьянину землю, но и снабдить его семенами, удобрениями и другими современными средствами ведения хозяйства. Тогда он сможет выпутаться из сетей ростовщиков и других эксплуататоров.

В заключение министр сказал, что в экономику уже внедряются плановые начала: утвержден план развития на 1972—1973 годы, разрабатывается долгосрочный перспективный план.

Статистические материалы, опубликованные правительством независимой Бангладеш, а также обзор, составленный сотрудниками ведомства ООН по оказанию помощи в Дакке (ЮНРОД), дают довольно ясное представление о хозяйственном положении страны в 1972 году. Ущерб, нанесенный ее экономике войной и репрессиями оккупационной армии, авторы обзора² оценивают почти в 9 миллиардов 294 миллиона така (или 1 миллиард 207 миллионов долларов). Было разрушено 1,6 миллиона домов, 287 железнодорожных и 200 обычных мостов, выведено из строя 7—8 тысяч грузовиков, погибло около 60 процентов коров.

По доходу на душу населения Восточная Бенгалия до 1971 года занимала одно из последних мест в мире, опережая лишь две африканские страны — Верхнюю Вольту и Бурунди. По мнению большинства экономистов, потребуются по крайней мере два года на то, чтобы поднять хозяйство до довоенного уровня.

---

² Авторы подчеркивают, что они принимали в расчет только реальный ущерб, который можно установить на основе документальных данных и путем осмотра.

Нарушение нормальной работы промышленности, транспорта, падение сельскохозяйственного производства привели к усилению инфляции. По официальным данным, с января по октябрь 1972 года цены на предметы первой необходимости, исключая рис и другие зерновые, выросли примерно на 200 процентов. Многие потребительские товары исчезли из магазинов. Вскрывая корни этого явления, близкий к правительству журнал «Джой Бангла» писал: «За 25 лет правления пакистанские монополии превратили нашу страну в рынок сбыта своих товаров. Бангладеш сама практически не производит никаких потребительских изделий и текстиля. Все, включая булавки и шнурки для ботинок, привозилось из Пакистана. В результате после освобождения, когда запасы товаров истощились, начались перебои в снабжении даже такими необходимыми предметами, как одежда и лекарства». В подобных условиях было естественным возникновение черного рынка, где велась торговля контрабандными товарами.

По-прежнему остро стоит продовольственная проблема. Если прежде в Восточную Бенгалию ввозилось ежегодно около 1,5 миллиона тонн зерна, то в 1972 году страна, по предварительным оценкам, вынуждена импортировать более 2,7 миллиона тонн.

На экономических трудностях играют противники новой власти. Они распускают клеветнические слухи, стремясь дискредитировать политику правительства, подорвать дружбу Бангладеш с Индией и Советским Союзом. Следует помнить, что военный режим в течение десятилетий сеял недоверие мусульманского населения к Индии и индусскому меньшинству в стране. Реакционные элементы вновь пытаются разжечь настроения религиозной нетерпимости. Это особенно ясно показали события, происшедшие в середине октября, когда индусы отмечали свой религиозный праздник — Дурга пуджу. В Дакке и пяти других городах на участников праздничных шествий были совершены нападения. Стычки не вылились в кровопролитие только благодаря своевременному вмешательству властей.

Смыкающиеся с крайне правыми левозэкстремистские пропекинские элементы образуют, по сведениям политических обозревателей в Дакке, несколько соперничающих, сравнительно малочисленных группировок. Как отмечала газета «Шангбад», для пропаганды своих идей

экстремисты нередко используют политическую организацию, объединяющую сторонников престарелого политического деятеля А. Х. Бхашани³.

В прошлом входивший в число учредителей Народной лиги, он после освобождения страны стал одной из центральных фигур легальной оппозиции правительству. В своих речах Бхашани допускает выпады против Индии, апеллируя к религиозным чувствам населения. Вот какую характеристику дал ему даккский журналист С. М. Али на страницах еженедельника «Эйшн»: «За свою долгую политическую жизнь Бхашани проявил себя оппортунистом. 87-летний лидер много рассуждает о социализме и все еще активно работает среди масс. Он пользуется известной популярностью, и это делает его политическую платформу весьма удобной для нескольких групп прокитайских радикалов».

В ноябре 1972 года в Бангладеш возникла еще одна оппозиционная политическая группа — Национальная социалистическая партия. Ее организаторы — Абдур Раб, в недалеком прошлом член руководства студенческой лиги, примыкающей к правящей партии, а также отставной майор М. Джалил, бывший командующий одним из секторов вооруженных сил «мукти бахини». Лидеры «национальных социалистов» развернули кампанию по вербовке приверженцев и критикуют правительство с левацких и шовинистических позиций, обвиняя его в «подчинении» Индии и неокOLONиалистским силам.

7 марта 1973 года в жизни республики произошло крупное событие — первые выборы в парламент — высший законодательный орган. Как и следовало ожидать, убедительную победу на выборах одержала Народная лига — партия Муджибура Рахмана, возглавлявшая общенациональное движение за освобождение и добившаяся заметных успехов в руководстве страной после завоевания независимости. Народная лига получила 292 из 300 мест в парламенте, доказав тем самым, что сегодня она является наиболее влиятельной политической партией Бангладеш. Провозглашенная ею программа социально-экономических преобразований, направленная прежде всего на повышение уровня промышленного и сельскохозяйственного производства, достижение самообеспечения

---

³ Организация Бхашани первоначально существовала как фракция Национальной народной партии.

продовольствием, ликвидацию безработицы, вселяет в сердца 75-миллионного народа республики надежду на лучшее будущее. Вот почему 73 процента избирателей, особенно в деревне, отдали свои голоса партии Муджибу-ра Рахмана.

Довольно прочные позиции занимает ныне Национальная народная партия, руководимая профессором Музаффаром Ахмадом. Поставленная ею после освобождения страны цель — вести работу в массах во имя построения в Бангладеш социалистического общества, во имя перестройки экономической системы страны — получила широкий отклик среди избирателей. Более полутора миллионов голосов, полученных этой партией, свидетельствуют о росте ее влияния.

Парламентские выборы продемонстрировали определенный успех Коммунистической партии Бангладеш. Ее последовательная линия на развитие молодого государства по пути прогресса, настойчивая борьба как против правых, проимпериалистических, так и левозкстремистских сил находит все большую поддержку общественности республики.

Участие в парламентских выборах 16 различных партий и организаций подчеркивает факт усиления процесса политического размежевания в Бангладеш. Процесс естественный, он характерен для многих молодых государств, сталкивающихся с необходимостью выбора пути социально-экономического развития. Однако руководители Бангладеш, представители демократических кругов выражают серьезную озабоченность тем, что на фоне обострившейся внутривнутриполитической борьбы усилились происки империалистических разведок в стране. На эту опасность прямо указал Генеральный секретарь партии Народная лига Зиллур Рахман. В беседе с журналистами в октябре 1972 года он заявил, что Центральное разведывательное управление США пытается сорвать меры правительства, направленные на нормализацию обстановки.

Печать Бангладеш, ссылаясь на официальные источники, сообщила, что ЦРУ действует через свою местную агентуру, а также через многочисленные организации, занимающиеся распределением помощи. Одна из таких организаций, Фонд Азии с центром в США, разработала «проект оказания содействия интеллигенции», предусматривающий предоставление субсидий университетам и медицинским институтам на сумму 494 тысячи долла-

ров. Известие об этом предложении вызвало протесты в научных кругах республики. Дело в том, что еще в 60-х годах американская пресса поместила разоблачительные статьи, в которых была документально доказана связь между Фондом Азии и ЦРУ. После этого представители Фонда были выдворены из Индии и с Цейлона.

При содействии дружественных государств правительство приняло решительные меры к укреплению завоеваний независимости. Как уже говорилось, на базе партизанских сил «мукти бахини», солдат и офицеров тех частей пакистанской армии, которые были укомплектованы бенгальцами, создана регулярная национальная армия. Административные органы республики осуществляют прочный контроль над всей территорией Бангладеш. Это немалое достижение, если учесть, что после окончания войны во многих районах действовали вооруженные отряды, подчинявшиеся пакистанскому правительству. По призыву Муджибура Рахмана эти отряды были распущены.

Власти запретили издание пяти газет левоэкстремистского направления, распространявших ложь и клевету. Одновременно проводилась чистка рядов правящей партии. Среди изгнанных из Народной лиги было несколько десятков депутатов конституционной ассамблеи. Их лишили депутатских мандатов.

Чтобы пресечь контрабанду, таможенные органы с помощью армии установили жесткий контроль за передвижением грузов в пограничных районах. В результате сократились спекулянтские операции на черном рынке. Начало налаживаться снабжение населения продуктами питания через сеть государственных магазинов, в которых торговля ведется по твердым ценам. Во второй половине 1972 года в стране действовало уже 4700 таких магазинов.

Важное значение для стабилизации экономики имело восстановление мостов на железнодорожных линиях, связывающих Бангладеш с Индией, а также расчистка порта Читтагонг. Это способствовало росту вывоза джута и других традиционных экспортных товаров. К началу ноября 1972 года, по сообщению Банка Бангладеш, запасы твердой валюты в стране достигли 87 миллионов фунтов стерлингов.

В преодолении тяжелых последствий войны и подъеме хозяйства большую помощь республике оказывает

Советский Союз. В соответствии с декларацией, подписанной во время визита Муджибура Рахмана в Москву, экономическое сотрудничество между нашими странами продолжает расширяться, охватывая ряд новых отраслей промышленности. СССР содействует развитию морского флота и рыболовства Бангладеш. Он предоставил ей три грузовых и десять рыболовецких судов. Предусматривается строительство холодильника, в котором сможет храниться 350 тонн рыбы.

Серьезное внимание уделяется развитию транспорта. В молодую республику направляются советские специалисты и посылается оборудование для проведения работ по восстановлению железнодорожных путей и мостов.

В марте 1972 года между двумя государствами было заключено первое торговое соглашение. Наша страна закупает в Бангладеш товары ее традиционного экспорта — джут и изделия из него, кожсырье, чай, специи, ткани и поставляет ей машины, оборудование, строительные материалы, медикаменты и т. д.

* * *

Народ Бангладеш принес большие жертвы, отстаивая свое право на самоопределение. Реакционной хунте генералов, поддержанной американским империализмом и пекинскими лидерами, не удалось остановить освободительное движение.

Рождение суверенной республики, стоящей на антиимпериалистических позициях, привело к важным сдвигам в пользу сил демократии и мира на Южноазиатском субконтиненте.

Вряд ли нужно еще раз подчеркивать сложность проблем, которые сегодня приходится решать Бангладеш. Эти проблемы связаны как с послевоенной разрухой, так и с трудностями становления молодого государства. Но бенгальцы, прошедшие суровую школу освободительной борьбы, настроены оптимистично, они убеждены, что их страна прочно стала на путь национального возрождения и прогресса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ ТРАГЕДИИ	4
ДОРОГАМИ БЕДСТВИЙ	10
ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ	14
ПОРА ИСПЫТАНИЙ	18
КУДА ЕХАТЬ?	19
УТРО ДЖЕССУРА	21
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВОБОДНОЙ ДАККИ	25
ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ	29
ДАККА ЗАЛЕЧИВАЕТ РАНЫ	33
ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕСНИ	35
КОНЕЦ ЗАТОЧЕНИЯ	37
ПРИЕЗД МУДЖИБУРА РАХМАНА	39
В ПОИСКАХ ИНФОРМАЦИИ	41
ВСТРЕЧА С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ	42
КТО НАПРАВЛЯЛ УБИЙЦ?	46
ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ ПОЭЗИИ	52
ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ	55
БОРО — СЕЗОН НАДЕЖДЫ	58
СТРОЙКА ДРУЖБЫ	61
ПУТЬ К ПРИЧАЛУ	63
КОГДА ПРИХОДЯТ МУССОНЫ	68
В ДЖУТОВОЙ СТОЛИЦЕ	74
ПО ПУТИ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87

*Борис Александрович Калягин,
Владимир Александрович Скосырен*
(рождение республики)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. Ш. Фридман*. Младший редактор *И. В. Бушуева*. Художник
А. В. Озеровская. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический
редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *М. К. Киселева*

Сдано в набор 13/III 1973 г. Подписано к печати 8/VI 1973 г. А-06777. Формат
84 × 108^{1/32}. Бумага № 1. Печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,12. Тираж
15 000 экз. Изд. № 3181. Зак. № 240. Цена 33 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 33 коп.